

ЕВГЕНИЯ И АНТОН ГРАНОВСКИЕ

МЕСТО, ГДЕ ВСЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

В детективах полуночи старинные легенды оживают
в современности. Окунитесь в мистические тайны
и ощутите дыхание неведомого...

детектив полуночи

Антон Грановский
Евгения Грановская
Место, где все заканчивается
Серия «Маша Любимова и
Глеб Корсак. Следствие ведут
профессионалы», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3947495
Место, где все заканчивается : роман: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57770-5

Аннотация

Майор Маша Любимова впервые столкнулась с таким странным преступником – он оставил на теле жертвы татуировку в виде штрихкода. Считав его, Маша и ее коллеги вышли на страничку в Интернете и получили послание от убийцы, который назвал себя Лицедеем. Он обещал, что вскоре расправится с одним из сотрудников опергруппы... Глеб Корсак был в ярости: как он мог допустить похищение Маши чуть ли не у него на глазах! Вскоре Глеб получил сообщение от Лицедея и, следуя его инструкциям, стал обладателем одного из изданий старинного «Чернокнижия»: по преданию, если собрать вместе все четыре экземпляра, можно вызвать дьявола! Новое письмо от

таинственного преступника не заставило себя ждать: он требовал книгу в обмен на жизнь Маши...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
1	9
2	18
3	35
4	50
5	57
6	63
7	73
Глава 2	84
1	84
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Антон Грановский

Место, где все заканчивается

Пролог

Мальчик шел по тротуару, прижимая к себе черный футляр со скрипкой, и походка у него была странной: он словно плыл сквозь густой, пропитанный бензиновыми парами городской воздух, медленно, как во сне, и взгляд у него был такой же – рассеянный, не принадлежащий этому миру.

Мальчик был погружен в себя, в свои мысли, он вновь и вновь прокручивал перед глазами то, что ему пришлось сегодня увидеть.

Сегодня мальчик впервые увидел смерть. Она прошла так близко от него, что, казалось, он почувствовал на своем лице ее ледяное дыхание. А еще – ее запах: тяжелый, сладковатый.

Перед его глазами встало лицо с огромным шрамом, пересекающим надвое лоб, и с жуткими глазами. Один глаз был черный, блестящий, пронзительный, а второй – белый, мертвый и холодный, как мраморный шарик.

– Ты больше не скрипач, – сказал ему страшный человек. – Видишь мое лицо?

– Да, – сказал мальчик.

– Будешь болтать лишнее – у тебя будет такое же!

Мальчик тряхнул головой, прогоняя жуткое видение, и двинулся дальше.

Путь его лежал вдоль длинной витрины магазина «Хозтовары». Дойдя до ее середины, мальчик остановился, повернул голову и посмотрел на свое отражение в мерцающем стекле витрины. Он представил себе, что у него нет лица. Просто гладкая кожа – там, где должны быть глаза, нос и рот. Или даже страшнее: что его лицо – это черная дыра, воронка с клубящейся внутри тьмой.

Мальчик улыбнулся и сделал шаг назад, чтобы увидеть себя во весь рост. И в этот миг что-то случилось. Воздух взорвался оглушительным грохотом и визгом, а на его отражение стремительно наплыла тьма, словно огромная птица пронеслась по улице и накрыла его своим черным крылом.

Он зажмурился и вскрикнул, и в этот миг на плечо ему легла рука. Рука была легкая, почти невесомая.

– Мальчик, что с тобой?

Он открыл глаза. Теперь в витрине магазина отражались двое – он и черноволосая девочка с бледным, строгим лицом.

– Что случилось? – хрипло спросил он.

Девочка повернулась и посмотрела туда, куда унеслась черная тень. Вновь посмотрела на него.

– Это была машина, – сказала она. – Грузовик. Ты сошел с бордюра, и он тебя чуть не сбил.

Вот оно что – грузовик! Так подумала эта девочка... Что ж, пускай. Тайное и великое всегда проявляет себя в привычном и обыденном. Нас окружают знаки, но мы не всегда умеем их читать.

Он пристально посмотрел на девочку и вдруг узнал ее.

– Ты была в подвале, – проговорил он, не то удивленно, не то испуганно.

– Да, я там была, – ответила девочка, по-прежнему внимательно его разглядывая.

– Значит... ты все видела? – Голос сел, мальчик слегка побледнел. – Ты видела, как я сделал *это*?

– Да, – вновь сказала она. – Я все видела.

Голос девочки звучал спокойно, словно она говорила о самых обычных вещах. Но он-то знал, что сделанное изменит его навсегда.

И вдруг она наклонилась и поцеловала его в губы своими холодными, сухими губами. Он опешил. А девочка выпрямилась, посмотрела ему в глаза и спросила:

– Ты ведь меня никогда не убьешь?

– Нет, – растерянно ответил он.

– А если я тебя когда-нибудь попрошу? Сама попрошу. Ты сделаешь это?

– Я... не знаю.

Она усмехнулась и посмотрела на черный футляр, который он все еще держал под мышкой. Он тоже посмотрел на футляр. Потом огляделся, увидел поблизости большую ка-

менную урну, подошел к ней и швырнул туда футляр. Скрипка ему больше не понадобится.

Когда он поворачивался к девочке, на какое-то мгновение ему показалось, что руки у него все еще в крови. Он поднял руки к лицу и посмотрел на них. Нет, чистые.

Он понял, что крови не нужно бояться, потому что ее всегда можно смыть. И еще он понял, что больше не боится смерти. Потому что отныне он и есть Смерть.

Глава 1

Двадцать лет спустя

1

Некогда бизнесмен, а ныне политик, Владимир Маркович Черновец закончил речь, и зал взорвался бурей аплодисментов. Черновец с улыбкой поклонился. Он знал, что публика его любит, несмотря на то что его консультанты по имиджу в один голос заявляли, что харизма у него скорее отрицательная, нежели положительная. Но он не хотел ничего менять. В России люди не доверяют улыбчивым красавцам, они доверяют тем, кто внушает не только любовь и уважение, но и чувство легкой тревоги, готовое перерасти в страх. Россияне не ценят тех, кого не побаиваются.

Выглядел политик Черновец довольно-таки импозантно. Загорелая кожа, седые, коротко стриженные волосы. Лицо круглое, губы мягко очерчены. Глаза голубые и ироничные, но в их живом взгляде сквозит что-то холодновато-жесткое, от чего глаза эти кажутся немного неуместными на круглом добродушном лице.

Вскоре пресс-конференция закончилась, и в зале началась обычная толкотня.

Молодые люди в двубортных пиджаках аккуратно, но жестко оттесняли журналистов, пробивая в их гуще узкий тоннель для пробиравшегося к выходу Черновца.

– Владимир Маркович! – пробился сквозь крики журналистов низкий чувственный женский голос. – Короткое интервью для молодежного журнала!

Политик обернулся на красивый голос и увидел прямо перед собой нежное девичье лицо в темных очках.

– Эту – ко мне в машину, – бросил политик одному из телохранителей, когда девичье лицо снова исчезло среди других лиц.

Тот кивнул и растворился в толпе.

Через пять минут Владимир Маркович сидел на заднем сиденье черного «Мерседеса». А рядом с ним, поджав красивые длинные ноги, примостилась журналистка.

Журналистка говорила что-то насчет возрастания процента преступности, о подростках, с которыми нужно заниматься особо, а Владимир Маркович неотрывно смотрел на ее ноги, и в голове его проносились соблазнительные видения, в которых фигурировали корсет и длинные перчатки из черного латекса, сверкающие цепи и черная кожаная плеть с изящной рукояткой, сделанной в виде возбужденного фаллоса.

– Владимир Маркович, что вы об этом думаете? – спросила журналистка.

Политик с большим неудовольствием оторвал взор от ее

смуглых коленок и, улыбнувшись, сказал:

– Милая моя, это слишком сложные вопросы, чтобы обсуждать их в машине. Это тема для большого подробного разговора.

– Так давайте устроим большой разговор! – оживилась журналистка. – Наше издание готово выделить под этот материал четыре полосы.

Владимир Маркович прищурился:

– Чем же я заслужил столь пристальное внимание молодежного журнала?

– Вы очень интересный человек! – заверила его журналистка. – Бывший спортсмен, удачливый бизнесмен... Вы построили бизнес-империю с нуля. А теперь занялись политикой, и здесь вам тоже сопутствует успех.

– Ну, политик я пока еще начинающий, – скромно возразил Черновец. – Хотя амбиции у меня, честно признаюсь, далеко не шуточные. Так, значит, вы хотите, чтобы я дал вам подробное интервью? – Владимир Маркович улыбнулся мягкой отеческой улыбкой и как бы невзначай положил руку девушке на коленку. – На целых четыре полосы?

Журналистка смутилась, но руку его со своей коленки не убрала.

– Я была бы рада, если бы вы согласились.

– Гм... – Владимир Маркович задумчиво сдвинул брови. – Вот как мы поступим. Сейчас я собираюсь заехать домой – переодеться, отдохнуть, перекусить. Вы можете по-

ехать со мной. У нас будет пара часов, чтобы все обсудить. Согласны?

– Согласна! – обрадованно кивнула девушка, но тут же смутилась еще больше.

– Вот и хорошо. Саша, поехали! – окликнул он водителя. Тот кивнул и завел машину. «Мерседес» мягко тронулся с места. Черновец снова взглянул на журналистку:

– Как вас зовут, милая?

– Анжела, – ответила та.

– Анжелочка, я собираюсь выпить немного коньяка, чтобы снять усталость. Надеюсь, вы меня поддержите?

– Право, я даже не знаю...

– Не отказывайтесь. Коньяк хороший, французский.

Владимир Маркович нажал на едва приметную кнопку на дверце. Достал из выехавшего пенала бутылку коньяка и два бокала, свинтил крышку, наполнил бокалы. Протянул один Анжеле.

– Ну что – за знакомство?

– За знакомство! – улыбнулась она.

Двадцать минут спустя «Мерседес» въехал во двор элитного дома и остановился возле первого подъезда. Водитель выскочил из салона и открыл перед начальником дверцу.

– Проводить вас до квартиры, Владимир Маркович? – спросил водитель, когда политик и его спутница выбрались наружу.

Черновец качнул седовласой головой:

– Не надо. Мы с Анжелочкой прекрасно дойдем сами.
Верно, Анжелочка?

– Верно, – улыбнулась девушка.

Она была уже немного пьяна.

– Сегодня работы больше не будет, Сашок, – сказал Владимир Маркович. – Поезжай домой и отдохни как следует. Последние дни были напряженными.

– Хорошо, Владимир Маркович!

Черновец обнял девушку за талию и повел ее к подъезду.

– Всего доброго, Владимир Маркович!

Черновец не обернулся, лишь поднял руку.

Водитель забрался в «Мерседес», а Черновец, остановившись у черной железной двери подъезда, набрал код, распахнул дверь, положил ладонь журналистке на ягодицу и легонько подтолкнул ее внутрь.

Войдя в ярко освещенный подъезд, политик плотно прикрыл за собой дверь, обхватил Анжелу за тонкую талию, притянул к себе и жадно впился губами в ее губы. Журналистка не сопротивлялась. Она обхватила ладонями его ягодицы и прижалась к нему еще плотнее. Черновец ощутил сквозь брюки жар ее бедер и почувствовал, что шалееет от страсти.

– Потише, Владимир Маркович, – прошептала она с улыбкой.

– Сними очки! – потребовал он и хотел было стянуть их с ее тонкого, изящного носа, но девушка остановила его руку.

– Не сейчас, – сказала она. – Потом.

– Стесняешься смотреть мне в глаза? – усмехнулся Черновец.

Она улыбнулась:

– Нет. Просто здесь очень яркие лампы, а у меня светобоязнь.

– Ну, потом так потом.

Черновец развернул ее и нетерпеливо подтолкнул по направлению к лифту:

– Пойдем скорей! Тебе у меня понравится!

Черновец долго не мог попасть ключом в замочную скважину – коньяк уже давал о себе знать.

– Дайте я попробую, – проворковала Анжела, вынула из подрагивающих пальцев политика ключ, и через мгновение дверь была открыта.

– Ты умница, – сказал Черновец и попытался поцеловать красотку, но она кокетливо увернулась и проскользнула в квартиру.

Владимир Маркович последовал за ней.

Через десять минут они сидели за столиком в интимном полумраке, и Черновец, потяя от вожделения, разливал по фужерам шампанское «Кристалл», бутылочка которого всегда имелаась у него в холодильнике.

– За любовь и взаимопонимание! – сказал Черновец.

– За любовь! – поддержала девушка этот тост.

Раздался мелодичный звон хрусталя, а вслед за тем – смешок Анжелы:

– Ой! Шампанское ударило в нос! Даже слезы выступили! – Она сделала еще один глоток: – Боже мой, вкусно-то как! Никогда такое не пробовала!

– Милая моя, – снисходительно протянул Черновец, – а что ты вообще пробовала? Что тебе могли предложить твои кавалеры? Шипучку по пять долларов за бутылку?

– Однако у моих кавалеров есть одно преимущество, – игриво заметила Анжела.

– Это какое же? – вскинул брови Владимир Маркович.

– Они молоды! – ответила Анжела.

Черновец презрительно хмыкнул:

– Тоже мне, преимущество! Сейчас я тебе покажу такое, что твоим соплякам и в эротических снах не снилось.

Он поставил бокал, обнял Анжелу за шею, притянул ее к себе и поцеловал.

– Ах ты, маленькая искуссительница, – ласково прорычал Владимир Маркович. – Посиди здесь, попей шампанского, а я – в ванную комнату. Только смотри – никуда не уходи!

– Не уйду, – пообещала Анжела.

Он вновь поцеловал ее, поднялся с дивана и двинулся в ванную комнату, намереваясь слегка освежиться после тяжелого дня, стоившего ему немало нервов и пота. Пять встреч, четыре совещания... Некогда рубашку сменить, не то что принять душ. Черновец вспомнил пухлые губы и длинные ноги журналистки, а потом представил ее голой. «Ох, черт, – улыбнулся он, – и как же приятно иногда бывает отдохнуть!

Еще бы скинуть лет десяток, но это, увы, никому еще не удавалось. Хотя...»

Пройдя пару шагов, Владимир Маркович услышал, что девушка у него за спиной что-то тихонько напевает. Он усмехнулся и двинулся было дальше, но вдруг остановился. Голос был странный, как будто и не Анжелин вовсе.

Мой мир огромен,
А я так скромен.
Вся жизнь спектакль —
Я в ней актер.
Актер – Лицедей,
Добрjak и злодей...

Черновец оглянулся, и его словно ледяной волной окатило. Девушка стояла рядом с ним, совсем близко, невероятно близко, впритык, и смотрела на него черными глазами очков.

– Что ты...

Она подняла руки и положила пальцы на шею Черновца. Он почувствовал странный холод, исходивший от этих пальцев, – смертельный холод, от которого кровь застыла у него в жилах.

– У тебя на шее висит цепочка, – сказала журналистка странным, изменившимся голосом. – А на цепочке – ключ. Будь добр, отдай его мне.

Политик облизнул пересохшие губы. Лицо девушки пока-

залось ему каким-то неестественным. Слишком гладким оно было, слишком непроницаемым – словно бы неживым.

– Кто ты? – хрипло спросил Владимир Маркович.

– Я? – девушка улыбнулась. – Твоя смерть.

Владимир Маркович почувствовал легкое давление на свою шею, словно журналистка слегка переместила палец. В ушах у него зашумело, перед глазами все поплыло, ноги подкосились, а в следующий миг он тяжело, как куль с мукой, рухнул на пол.

Журналистка наклонилась, сорвала с его шеи плоский электронный ключ вместе со стальной цепочкой. Выпрямилась и двинулась к стеллажу с книгами, за которым был спрятан потайной сейф.

Отец майора полиции Маши Любимовой был когда-то следователем прокуратуры. Но лет двадцать пять тому назад он совершил ошибку, из-за которой в тюрьму попал невинный. Исправить ошибку удалось только через полтора года.

Казалось бы, срок небольшой, но невинно осужденный оказался человеком слабым, и эти полтора года сломили его – и физически, и морально. Отец не смог себе этого простить, ушел из прокуратуры и занялся адвокатской деятельностью, в которой не слишком-то преуспел.

На пенсию Любимов-старший вышел четыре года тому назад и полностью посвятил все свое время любимому занятию – рыбалке. Когда нельзя было рыбачить, Любимов смотрел по телевизору футбол. И от первого, и от второго он приходил в состояние величайшего возбуждения.

Маша взяла из шкафа коробку с лекарствами, которую отец брезгливо называл «аптечкой смертника», поставила ее на стол, уселась в кресло и принялась перебирать лекарства, раскладывая их по отделениям.

Отец занял свое обычное место в глубоком плюшевом кресле и проворчал:

– Ты смотри... Опять америкосы собираются кого-то бомбить!

– Они собираются бомбить Иран, – сказала Маша.

– Иран? Ты уверена?

– Да.

Отец посмотрел на нее строгим взглядом и поинтересовался:

– За что?

– За то, что там делают атомную бомбу, – ответила Маша, продолжая копаться в аптечке.

– А какое до этого дело американцам?

– В Иране правят исламские фундаменталисты, – сказала Маша. – Они представляют собою угрозу для всего цивилизованного мира.

Любимов насмешливо посмотрел на нее поверх очков:

– Это кто сказал?

– Американцы.

– Америка-анцы! – протянул отец и прищурился. – Скажи-ка мне, детеныш, иранские войска вошли хоть в одну страну мира?

– Вроде нет.

– А американские?

– Ну... американские есть везде.

– Иранцы бомбили хоть одну страну за последние двадцать лет?

– По-моему, нет.

– А американцы?

Маша вздохнула:

– Эти кого только не бомбили!

– Так кто из этих двух опаснее – Америка или Иран?

– Иран, – сказала Маша.

– Почему?

– Потому что я их боюсь. Пап, хватит донимать меня вопросами. Лучше скажи – почему ты не принимаешь лекарства, которые я тебе привезла на прошлой неделе?

Отец фыркнул:

– Вот еще! Я здоровый мужик и не собираюсь травить себя всякой химической дрянью!

– Эта «дрянь» продлит тебе жизнь лет на двадцать.

– И зачем мне это надо?

– Мало ли зачем! Чтобы удить рыбу. Или смотреть футбол. Или ругаться из-за политики.

Любимов усмехнулся:

– Звучит довольно-таки убого. Нет уж, милая! Пусть твоя мать глотает химию и втирает ее в кожу. Возможно, ей и впрямь удастся победить старость, хотя лично я в этом сильно сомневаюсь. – Он вновь усмехнулся и добавил: – Если, конечно, твоя мать не вампир, что, в принципе, я вполне допускаю.

Маша отвела взгляд от аптечки и посмотрела на отца с упрёком:

– Пап!

– А что – я всего лишь предположил. – Любимов бросил взгляд на экран телевизора (звук по настоянию Маши был

выключен) и ворчливо объявил: – Твои любимые американцы – вырожденцы!

– Во-первых, они не мои, – возразила Маша, вновь занявшись лекарствами. – А во-вторых – не любимые.

– Все равно, – твердо сказал Любимов, – у них нет будущего.

Маша хмыкнула.

– А у нас?

– Ты про Россию?

– Угу.

Отец нахмурился:

– Дите, ты меня пугаешь. Неужели ты настолько глупа?

Где же твоя хваленая женская интуиция?

– Дома забыла, когда к тебе собиралась.

– Оно и видно. – Отец поднял палец и назидательно проговорил: – Запомни, Маша: даже если все страны мира рухнут в бездну, Россия уцелеет!

– Еще скажи, что нас бог бережет.

Отец дернул щекой и небрежно обронил:

– Бога нет. Разве тебе в школе не рассказывали?

– Рассказывали. Но у тетенок, которые мне это рассказывали, были слишком неприятные и глупые лица, поэтому я не очень-то им доверяла. Пап, ты что – опять курил?

– Не говори глупости, – отрезал Любимов.

Маша достала из аптечки окурков и показала его отцу:

– Это ведь заначка!

Любимов посмотрел на Машу поверх очков и снисходительно проговорил:

– Ты будешь устраивать мне сцену из-за какого-то жалкого окурка? Тебе не кажется, что это уже слишком?

Маша вздохнула:

– Ох, папа, гляди – доиграешься! Вот сдам тебя в дом престарелых, будешь знать.

– Испугала, – хмыкнул Любимов. – Да я с радостью туда пойду. Хорошая компания единомышленников, симпатичные сиделки... Будет с кем потрепаться о болячках и будет кого ущипнуть за задницу.

– Смотри, не перепутай, когда будешь щипать, – сказала Маша.

– Я еще не настолько стар, чтобы спутать сочный персик со старческим отвислым задом.

Маша улыбнулась.

– Ну да, ты у нас известный ловелас. Черт, еще один окурочок! – Маша грозно сверкнула на отца глазами. – Пап, я тебе на полном серьезе говорю: кончай себя убивать. Ты мне нужен живым – еще хотя бы лет двадцать.

– Через двадцать лет ты сама превратишься в старушку, – сказал Любимов. – Думаешь, я жажду насладиться этим унылым зрелищем?

– Через двадцать лет люди придумают способ не стареть, – возразила Маша.

– Ага. – Любимов саркастически усмехнулся. – И будут

помирать молодыми. Вот это уж точно зрелище не для меня. – Он качнул седовласой головой. – Нет, дите, уволь. У меня в гараже бак с самогонкой – вот допью его и отчалою к праотцам.

– Я выброшу этот бак, – сказала Маша.

Любимов поморщился:

– Ты не способна на такую глупость. Там пятнадцать литров.

– Еще как способна! Ты же сам сказал, что я глупая.

– Да, но не настолько же!

Отец взял дистанционный пульт и принялся «прыгать» по телеканалам. Некоторое время оба молчали. Маша шуршала блистерами и коробками, Любимов-старший хмуро смотрел в телевизор. Потом он вздохнул и спросил:

– Когда Митьку приведешь?

– Он тебе за позапрошлые выходные еще не надоел? – иронично уточнила Маша.

– Скорее уж я ему.

– Вот это – точно нет. Он потом три дня ни о чем, кроме вашей рыбалки, говорить не мог. Караси, окуни, прикормка... Замучил меня совсем.

От Маши не укрылось, что по губам отца скользнула счастливая улыбка. Но он тут же вновь нахмурился и фыркнул:

– Разве это рыбалка! Он еще не видел настоящей рыбалки! Вот погоди – мы с ним сорокакилограммового сома вы-

тянем!

– Может, лучше не надо? А то утянет вас этот «сорокакилограммовый» на дно речное, и придется вам отрастить рыбы хвосты и стать русалками. – Маша взглянула на отца. – Слушай, пап, а вот интересно: бывают русалки – мужчины?

– Бывают, – хмуро ответил Любимов. – Я одного такого «русала» видел.

Маша прищурилась:

– Ты про моего бывшего?

– Угу. И про того, который был до него. Везет тебе на русалов, дитеныш! Кстати, как давно ты говорила с матерью?

Маша не считала, что это «кстати», но ответила:

– Сегодня. Перед тем, как поехать к тебе.

– Она тебе звонила или ты ей?

– Она мне.

Любимов ухмыльнулся:

– Наверное, интересовалась, не окочурился ли я еще.

– Пап!

– Ладно, шучу. Эта старая вертихвостка еще не разорилась?

– Может, позвонишь ей и сам обо всем расспросишь?

Старик фыркнул:

– Вот еще! Меня не интересует ее жизнь.

– Правда?

– Мы с ней давно чужие люди.

– Мне так не кажется.

– Ты просто не разбираешься в людях и ни черта не смыслишь в жизни! – заявил отец.

Маша усмехнулась:

– Может быть.

Она снова уткнулась в «аптечку смертника», и тут в дверь позвонили.

– Кого там еще нелегкая принесла? – скривился Любимов.

Маша встала из-за стола.

– Пойду открою.

– Не надо!

– Почему?

Отец посмотрел на Машу хмурым взглядом и заявил:

– Надоели эти проходимцы.

– Ты про кого?

– А то ты не знаешь! «Картошку надо?» «Лук надо?» А то еще листовки разносят...

– Думаешь, это продавцы или рекламщики?

Любимов саркастически проговорил:

– А кто же еще? Детеныш, ко мне уже давно никто не ходит.

Маша пожала плечами и снова села за стол. В дверь опять позвонили. И еще раз. И еще.

Отец строго посмотрел на Машу:

– Ну? Что ты сидишь?

Маша растерянно моргнула:

– Ты же сам сказал – не открывать.

– Продавцы овощей никогда не звонят по два раза подряд!
Тем более по три!

– Правда?

Любимов вздохнул:

– Боже, дите, в каком мире ты живешь?

– Обычно я возвращаюсь домой поздно вечером, когда продавцы овощей уже спят.

И снова в дверь позвонили.

– Так ты откроешь или так и будешь сидеть и хлопать глазами? – с усталой обреченностью в голосе произнес отец.

– Сейчас.

Открывать дверь Любимова шла, обиженно насупившись, но когда открыла, от обиды и злости не осталось и следа.

– Дядь Валера!

– Марусенька!

Доктор Валерий Николаевич Авен вошел в прихожую и обнял Машу.

– Сто лет тебя не видел! Ты все такая же красавица!

– А вы стали еще импозантнее!

Валерий Николаевич был высок, дорого и со вкусом одет, на его ухоженном пожилом лице сверкали молодые голубые глаза.

– Ну? – весело спросил Авен. – Где твой тиран?

– Сидит в гостиной и ругает американцев.

Дядь Валера улыбнулся:

– Это его обычное состояние.

– Дите, кто там?! – крикнул из гостиной Любимов-старший.

– Это Валерий Николаевич! Авен!

– Тащи этого бродягу сюда!

Маша провела Авена в гостиную.

– Наконец-то! – воскликнул отец, увидев старого друга. – Хоть один умный человек за весь день. Веришь ли, эта глупая девчонка чуть с ума меня не свела, доказывая, что Америка – это светоч гуманизма и пацифизма!

– Пап, не передергивай, ничего такого я не доказывала.

– Не спорь с отцом! – строго сказал ей Любимов.

После того как дорогого гостя усадили за стол и угостили чаем и Авен и Любимов обменялись десятком реплик, обсудив положение дел в мире и парочку общих знакомых, Валерий Николаевич повернулся к Маше.

– Марусь, как у тебя дела на работе? – поинтересовался он, попивая чай.

Маша улыбнулась:

– Спасибо, что спросили, дядь Валер. Папе на мои дела совершенно наплевать.

Доктор Авен улыбнулся:

– Твой папа прилагает немало усилий, чтобы казаться бесчувственным негодяем, но у него это плохо получается.

Любимов крикнул:

– Полегче, Сogarдон Армагеддонович, я все еще здесь!

– Так как твои дела, Марусь?

– Да все как обычно. Мы ловим преступников, а они от нас бегают. А в промежутках между этой беготней мы перебираем бумажки и подклеиваем их в дела. Дядь Валер, вы доктор, отец вас послушает. Скажите ему, чтобы не саботировал лечебный процесс и вовремя глотал таблетки.

– Я доктор-биохимик, а твой отец считает всех ученых шарлатанами, – возразил Валерий Николаевич. – Но ты права. Слышишь, Саня, твоя дочь права! Если ты не будешь глотать таблетки, помрешь молодым. И сорокакилограммовый сом так и останется твоей несбыточной мечтой!

Любимов сдвинул седеющие брови.

– И ты туда же? Вы что сегодня – сговорились свести меня с ума?

Маша и Валерий Николаевич переглянулись и прыснули от смеха. Авен отпил чаю и посмотрел на Машу теплым, почти отцовским взглядом.

– Ты выглядишь усталой. Трудное дело?

– Да так, ерунда. Но ерунда эта отняла много сил и времени.

– Какой-нибудь алкаш, стукнувший утюгом соседку, когда ты пришла попросить щепотку соли?

Маша улыбнулась:

– Если бы! Вы слышали о том, что случилось с Черновцом?

– С политиком-то? – Валерий Николаевич наморщил лоб. – Кажется, слышал. Он сейчас в больнице и до сих пор

не пришел в сознание, верно?

– Верно. Только говорят, что он уже никогда не придет в сознание. Нас заставили все проверить. Глупость, конечно, там ведь все очевидно – инсульт, болезни, возраст... Но начальство велело, и мы взяли под козырек.

– И как? Проверили?

Маша кивнула:

– Да. Вся эта морока отняла у нас два дня. И начальство терзало звонками – по пять раз в день. Старик устал отвечать и переправлял их прямо на мой мобильник.

– Старик – это...

– Полковник Жук, наш начальник отдела. – Маша вздохнула. – Одним словом, вымотали так, что сил нет. И все на пустом месте.

– Да, неприятно, – согласился Авен.

– Может, хватит? – не выдержал наконец Любимов-старший, который терпеть не мог разговор про убийства и уголовников. – Нашли тему для разговора!

– Саня, не пыхти, – мягко осадил его доктор Валерий Николаевич. Взглянул на Машу и спросил: – Значит, инсульт в чистом виде?

– Чистее не бывает. Хорошо хоть «Скорая» быстро приехала. Секретарь Черновца не мог до него дозвониться, чтобы напомнить о важной встрече, поэтому приехал к нему домой. Дверь была открыта. Секретарь вошел и увидел, что Черновец лежит на полу. Сразу вызвал врачей. Зайди он ми-

нут на двадцать позже, и... В общем, вы понимаете.

Валерий Николаевич покивал, помолчал задумчиво и проговорил:

– А ты знаешь, когда-то я был довольно близко знаком с Черновцом. Давно, еще в начале девяностых. Он тогда был тридцатилетним инженером в каком-то НИИ. Потом началась вся эта карусель с введением «дикого капитализма», и Черновец оседлал волну. Быстро, буквально в одночасье, разбогател. Говорят, не без криминала.

– Ну, куда ж без этого, – хмыкнул Любимов-старший. – Они тогда все быстро богатели. Не все, правда, дожили до сорока лет.

– Да... – протянул Авен. – Жаль Володьку. Двадцать лет тому назад он был вполне приличным человеком.

– Ну, может, еще выкарабкается, – неуверенно сказала Маша.

Валерий Николаевич допил чай и поставил чашку на блюдце. Посмотрел на Машу и негромко уточнил:

– Значит, инсульт, и ничего больше?

– Инсульт, и ничего больше, – кивнула Маша. – Телесных повреждений нет. Квартира чистая, ничего не сломано и не взломано, никаких отпечатков. Дверь целехонька. За стеллажом с книгами мы нашли сейф с электронным замком. Ключ лежал на письменном столе. На ключе никаких отпечатков, кроме пальчиков самого Черновца.

– А что в сейфе? – поинтересовался Валерий Николаевич.

Маша улыбнулась:

– «Золото-брильянты», что же еще! Деньги, больше ста тысяч «зеленых». Несколько золотых швейцарских часов. В общем, обычная заначка на черный день.

– И не надоело вам обсуждать эту ерунду? – насмешливо поинтересовался Любимов. – Нет бы о рыбалке поговорить! Или о футболе. Вот вы, например, знаете, что в Москве-реке водится рыба берш?

– Нет, – сказала Маша. – А есть такая рыба?

– Есть. Притом очень редкая. Я вытянул одного в прошлом году, на Бронницких спиннинговых соревнованиях.

– И как он выглядит? – поинтересовался доктор Авен.

– Как берш, – ответил Любимов. – А вы знаете, что однажды я выловил из нашей реки настоящего зеркального карпа! И, между прочим, он весил...

– Пять килограмм! – хором закончили за него Маша и доктор Авен.

Валерий Николаевич улыбнулся:

– Саня, прости, но твои рыболовные байки не отличаются разнообразием.

– Это потому, что вы не слушаете, – проворчал Любимов. – Вот Митька – хороший, благодарный слушатель. Помните мое слово – из него вырастет отличный рыбак.

– Рада за него, – сказала Маша. И вновь повернулась к Авену: – Валерий Николаевич...

– Скучно мне с вами, – проворчал Любимов. – «Сей-

фы-отпечатки...» Никакой романтики! Пойду сварю себе кофе.

Он поднялся из кресла.

Маша удивленно воззрилась на отца:

– Откуда у тебя кофе?

– Из магазина, – насмешливо ответил он.

– Ты покупаешь кофе?

– Нет, мне его дарят – за красивые глаза.

– Пап, врачи строго-настрого запретили тебе...

– Можешь показать мне хоть одного врача, который дожил до ста пятидесяти лет? – иронично осведомился Любимов.

– Нет, – вынуждена была признать Маша.

– Тогда сиди и не выступай. Армагеддоныч, тебе с молоком?

– Саня, я не пью кофе.

– И этот туда же, – мрачно изрек Любимов. Тяжело вздохнул и добавил: – Куда катится наш мир? Скоро люди будут глотать одну лишь дистиллированную воду, заедая ее соевыми галетами! – Глаза Любимов блеснули. – Знаете что? Можете катиться в тартарары вместе со всем своим кастрированным миром, помешавшимся на зеленом чае, а я буду пить кофе!

С этими словами он гордо покинул комнату.

Мария перевела взгляд на доктора Авена.

– Видели? И что прикажете с ним делать?

– Смириться, – сказал Валерий Николаевич. – Или под-

менить ему кофе напитком из цикория.

– Это идея, – улыбнулась Маша.

В сумочке, лежавшей на диване, запиликал мобильник. Маша извинилась и достала трубку. Глянула на дисплей, нахмурилась и поднесла телефон к уху.

– Слушаю, Андрей Сергеич!

– Мария Александровна, вы сейчас не заняты ничем важным?

– Нет.

– У нас новый труп. Место – район станции метро «Добрынинская». Волохова и Данилова я известил, они выехали. Эксперты также уже в пути. Как скоро вы сможете подъехать?

Маша прикинула в уме время, которое ей предстояло потратить на дорогу, и ответила:

– Думаю, через полчаса буду на месте.

– Хорошо. Записывайте адрес...

Маша достала из сумочки блокнот и записала.

– Данилов и Волохов введут вас в курс дела, – продолжил полковник. – Когда осмóтритесь, позвоните мне и подробно обо всем сообщите.

– Слушаюсь.

Полковник Жук отключил связь. Маша убрала мобильник в сумку, посмотрела на Авена и сказала:

– Мне нужно бежать, Валерий Николаевич. Приятно вам провести время со старым ворчуном. И не поддавайтесь на

провокации, если он предложит вам покурить или начнет расхваливать «великолепный первач», который стоит у него в гараже.

– Постараюсь, – с улыбкой заверил ее Авен.

Со Стасом Даниловым они встретились возле указанного места. Он как раз выбирался из машины, когда Любимова окликнула его:

– Стасис!

– О, привет, Марусь! С синхронным прибытием тебя!

Данилов одарил ее улыбкой, которая сразила наповал уже немало женщин, и посмотрел на нее серыми глазами, способными вскружить голову и юной старлетке, и многоопытной даме. Следом за ним из машины выбрался Толя Волохов. Кивнул Маше, пригладил огромной ладонью ежик русых волос, поскреб ногтями небритую щеку и уставился на старинный, недавно отреставрированный особняк, в котором располагалась частная больница.

– Не знал, что частные клиники можно открывать в старинных дворянских особняках, – пробасил он.

– Почему нет? – поинтересовался Стас.

Толя кивнул на бронзовую табличку, привинченную к стене, и сказал:

– Это же памятник архитектуры. Начало девятнадцатого века.

– Толя, не будь наивным, – сказала Маша. – Старик сказал, что вы введете меня в курс дела. Можете приступать.

Они двинулись к особняку, и Стас в нескольких фразах

обрисовал ситуацию. Известный бизнесмен и начинающий политик Владимир Маркович Черновец находится в одной из палат этой замечательной клиники. Около сорока минут тому назад аппарат искусственного жизнеобеспечения закоротило. Кто-то вылил на него стакан воды, предварительно отсоединив верхнюю часть панели. При этом известно, что в момент аварии в палату к Черновцу никто не входил.

– Значит, Черновец мертв, – невесело констатировала Маша, поднимаясь по мраморным ступенькам.

– Мертвее не бывает, – отозвался Стас.

– Надо же! Перед тем как поехать сюда, я как раз говорила о нем с одним старым знакомым.

Стас хмыкнул:

– Нашли тему для беседы!

– Человек окочурился на больничной койке, не выходя из комы, – прогудел Толя Волохов. – Не понимаю, зачем было гнать сюда целую толпу оперов?

– Ты здесь лишь для того, чтобы оттенять мое величие, – сказал на это Стас.

– Нет, правда! Сначала заставили нас выяснять обстоятельства, при которых его хватил инсульт. Теперь пригнали сюда. Уж который день мы водим хороводы вокруг этого Черновца. Будто у нас других дел нет!

– Станешь богатым бизнесменом, и вокруг тебя тоже будут водить хороводы, – заверил его Данилов.

Холл клиники был небольшим, но шикарным, под стать

особняку. Стены обшиты ореховыми панелями, под потолком – гипсовая лепнина. С потолка свисала огромная хрустальная люстра.

– Красиво, как в раю, – сказал Стас.

– И мрачно, как в аду, – изрек Волохов. – О, а вон и черберы!

Три охранника в синих форменных пиджаках стояли возле электронной рамки металлодетектора. Еще один сидел за компьютером, стоявшим на столике.

Охранники взглянули на Машу с интересом, пробежались взглядами по ее стройной фигуре.

– Ох, Марусь, – тихо сказал Стас, – сдастся мне, эти парни собираются посмотреть, что у тебя под одеждой.

– Перебьются, – сказала Любимова.

Подойдя к турникетам, Маша кивнула охранникам и сказала:

– Мы из полиции.

– Предъявите документы, – потребовал один из них.

Маша достала из сумочки удостоверение сотрудника ГУ-ВД и показала его молодым людям.

– Годится? – спросила она.

– Да, – ответил один из них.

Маша и ребята прошли через рамку металлодетектора. На Стаса рамка среагировала, и он откинул полу куртки и показал кобуру с пистолетом.

– У вас пистолет, – сурово произнес охранник.

– Угадал.

– У вас есть разрешение на его применение?

– Слыхала, Маш? – усмехнулся Стас. – Тут у них все по-взрослому. – Он достал разрешение и сунул его под нос охраннику. – На, любуйся, недоверчивый ты мой.

Охранник ознакомился с разрешением и кивнул:

– Можете пройти. Вам нужна палата номер восемь, по лестнице на третий этаж и направо. Или воспользуйтесь лифтом.

Поднимаясь по лестнице, Стас заметил:

– Охрана у них тут покруче, чем в Кремле. Мышь не проскользнет.

Маша ничего на это не сказала. У нее уже закрались определенные сомнения на этот счет, но озвучивать их она не спешила.

Полчаса спустя, после тщательного осмотра места происшествия, Маша решила перекурить. Толя и Стас составили ей компанию. Стас, будучи приверженцем здорового образа жизни, не курил, но из солидарности стоял рядом с ними и грыз зубочистку.

К ним подошел судмедэксперт Лаврененков, сухой и морщинистый, как старое дерево.

– Ну что, – заговорил он, снимая перчатки, – не знаю, как для вас, а для меня тут все очевидно. Гражданин Черновец лежал на койке, доживая свои последние дни. Но кому-то по-

казалось, что эти дни для него – непозволительная роскошь.

– Значит, его все-таки убили, – констатировал Волохов.

– Убили-то убили, но непонятно как, – сказала Маша. – В момент гибели Черновца рядом с ними никого не было. Это подтверждают две медсестры, которые стояли рядом с его палатой и трепались «за жизнь».

– А сам Черновец не мог этого сделать? – осведомился Толя Волохов, дымя сигаретой.

Лаврененков задумчиво посмотрел на него и сказал:

– Вообще-то мог. Но для этого ему нужно было выйти из комы, подняться с кровати, налить в стакан воду, а потом выплеснуть ее на аппарат искусственного жизнеобеспечения. Да, но за мгновение до этого – пока стакан «завис» в воздухе – вернуться в кровать и погрузиться в кому!

– Я просто предположил...

– Понимаю, – кивнул Лаврененков. – А я просто развил твоё предположение.

– Итак, что мы имеем, – подытожила Стас. – В палате больной был один. Окна закрыты. У дверей стояли медсестры. И все же кто-то вылил из стакана воду в аппарат и вывел его из строя. На полтергейст грешить не будем, но все же рационального объяснения этому происшествию нет. Марусь, а ты что скажешь?

Любимова откинула со лба светлую прядь волос и сдвинула темные брови.

– Надо подумать.

Лаврененков улыбнулся и проговорил отеческим голосом:

– Думай, Машенька, думай! Похоже, в нашей компании ты единственная, кто на это способен.

– Я хочу еще раз поговорить с медсестрами, – сказала Маша.

– Поговори, – кивнул Лаврененков. – Но вряд ли они скажут тебе что-нибудь новое. Я пока начну составлять протокол.

– Хорошо, Семен Иванович. Стас и Толя вам помогут.

Медсестер – рыженькую и блондинку – Маша нашла в холле. Белые халатики, белые изящные шапочки, приколотые к волосам заколками. Обе сидели на диване. Рыженькая шмыгала носом. Блондинка, сдвинув брови и уставившись в экран мобильного, отправляла кому-то эсэмэску, постукивая по клавишам длинным красным ногтем.

Маша присела рядом с ними:

– Девчонки, я задам вам еще пару вопросов.

Рыженькая исторгла глубокий горестный вздох и кивнула. Блондинка опустила мобильник, приготовившись слушать.

– Вы уверены, что дверь палаты все время находилась в поле вашего зрения? – спросила Маша.

– Да, – сказала рыженькая. – Мы стояли в шаге от нее.

– Вы слышали какой-нибудь шум?

Рыженькая и блондинка переглянулись. Обе пожали плечами, и рыженькая сказала:

– Да нет, ничего особенного.

– Шума не было, – подтвердила медсестра-блондинка. – Мы просто почувствовали запах чего-то паленого. Знаете, такой бывает, когда проводка горит. Или когда какой-нибудь провод расплавится.

– Кто выходил из палаты Черновца последним и когда в точности это было? – спросила Маша.

– Ну... – Рыженькая слегка смутилась. – Я заглядывала в палату минут за пять до того, как запахло паленым. Все было в порядке, аппарат работал.

– Вы не обратили внимания: быть может, на аппарате стоял стакан с водой?

Медсестра задумалась, наморщив лоб, покачала головой и уверенно проговорила:

– Нет, ничего такого я не видела.

Маша кивнула:

– Хорошо. Кто заходил в палату перед вами?

– В ближайшие пять минут – никто.

– А до этого?

Девушки задумались.

– Не помню, хотя... – начала было рыженькая, но блондинка ее перебила:

– Лукьянов заходил. Ваня. Это наш медбрат.

– Точно! – вспомнила и рыженькая. – Он заходил как раз перед нами! Примерно за пару минут!

Маша слегка прищурила карие глаза:

– Что он там делал?

– Записывал показания для журнала, – ответила рыженькая.

– Сколько времени он там пробыл?

– Недолго. Минуту или около того.

Любимова обдумала ее ответ и вдруг спросила:

– Где у вас холодильник?

– Какой холодильник?! – удивилась рыженькая.

– Обыкновенный. В котором вы храните продукты.

– Какие продукты?

– Пиццу, котлеты, бутерброды... То, что вы едите, когда остаетесь на ночные дежурства.

– А, вы об этом... – Рыженькая покосилась на блондинку, та пожала острыми плечами. – Холодильник стоит в комнате отдыха медперсонала. А что?

– Проводите меня туда, пожалуйста.

Возражений не последовало.

В комнате отдыха Маша открыла холодильник и осмотрела его. Потом заглянула в морозильную камеру, в отделение для льда, после чего повернулась к медсестрам и спросила:

– А где сейчас медбрат Лукьянов?

– Где-то в больнице. Хотя... – Рыженькая медсестра посмотрела на круглые часы, висевшие на стене. – Дежурство у него закончилось двадцать минут назад. Наверное, он уже ушел. – Она вновь пожала плечами. – Ну, или переодевается.

– Проводите меня в раздевалку, я хочу задать ему пару вопросов.

По пути к раздевалке к Маше и медсестрам присоединился Стас Данилов.

– Как там? – спросила его Маша.

– Нормально. Лаврененков диктует, Толя записывает. Минут через двадцать закончат. А вы куда?

– Мы...

Договорить Маша не успела. В холл вывернул из-за угла коренастый полный человек в черной толстовке с надетым на голову капюшоном. Из-под капюшона торчал козырек кепки-бейсболки, низко надвинутый на лоб.

– А вот и Ваня Лукьянов! – сказала рыженькая медсестра. – Вань, стой!

Мужчина остановился.

– Это полицейские, они хотят с тобой поговорить! – сказала медсестра-блондинка.

Мужчина посмотрел на Машу. Глаза его были скрыты за темными стеклами очков. Лицо одутловатое, до глаз заросшее рыжеватой щетиной.

– Майор Любимова, уголовный розыск, – представилась Маша.

Лукьянов задрал рукав куртки и посмотрел на часы.

– Вообще-то я спешу...

– Я задержу вас всего на пару минут.

– Ну, если на пару... – Голос у Лукьянова был хрипловатый, недовольный. – Хорошо, давайте.

– Мы вам еще нужны? – поинтересовалась рыженькая

медсестра.

– Нет. Спасибо за помощь.

Девушки прошли мимо подмигнувшего им Стаса, захихикали и зашептались, как девочки-подростки.

– Может, присядем? – предложила Маша медбрата Лукьянову.

Толстяк посмотрел на стулья, рядом стоявшие у стены, перевел взгляд на Машу и сказал:

– Пару минут я могу и постоять.

– Что ж... Тогда, пожалуй, приступим. Вы, конечно, знаете о том, что случилось с пациентом по фамилии Черновец?

– Само собой.

Маша вгляделась в одутловатое лицо медбрата и вдруг спросила:

– Кажется, вы нервничаете?

– А вы как думаете? – хмуро проговорил Лукьянов. – Из-за вас я опаздываю на свою электричку!

– Вы живете не в Москве?

– Я живу в Подольске.

– Еще минута, и я вас отпущу. Скажите, Иван... Я ведь могу называть вас Иваном?

– Почему нет? Ведь я и в самом деле Иван, – проговорил он с хмурой усмешкой.

– Скажите, Иван, какие напитки вы любите пить?

Стас удивленно взглянул на Машу.

– Что? – не понял Лукьянов.

– Что вы пьете, когда испытываете жажду? «Пепси», «Кока-колу», «Тархун»?

– Я люблю «Спрайт».

– Вы пьете его со льдом?

– Случается. Я не понимаю, к чему вы...

– А сегодня вы пили «Спрайт» со льдом?

– Возможно.

– А если точнее?

Лукьянов помрачнел еще больше.

– Ну, пил, – процедил он. – А при чем тут это? Что это вообще за вопросы?!

Маша чуть склонила голову набок и несколько секунд задумчиво разглядывала медбрата. Потом вздохнула и сказала:

– Думаю, вам придется проехать с нами.

– Что?! Куда это проехать?!

– На Петровку. В здание ГУВД Москвы. Там мы с вами обо всем подробно поговорим.

– С какой стати я должен с вами ехать?

– Если хотите, можем оформить это как задержание, – холодно произнесла Маша.

Лукьянов молчал. Стас как бы невзначай передвинулся – так, чтобы заслонить выход из холла. Он по собственному опыту знал, что Маша Любимова полна сюрпризов и когда она вот так беседует со свидетелем или подозреваемым, дело часто заканчивается «нежелательными эксцессами» (как называл их полковник Жук).

То, что произошло дальше, заняло всего секунду. Лукьянов быстро шагнул к Маше, схватил ее за плечи и с силой толкнул на Стаса, развернулся и бросился к окну. Стас был готов к подобному финту и сделал попытку схватить противника, но тот оказался быстрее – в несколько прыжков достиг окна, взмыл в воздух, вышиб плечом раму со стеклом и исчез из виду.

* * *

Улица была пустынна, если не считать одинокого парня-азиата, неторопливо шагавшего по тротуару. Маша и Стас пробежали мимо него, свернули в переулок и остановились.

– Здесь тоже никого! – с досадой воскликнул Стас.

– Вижу!

Она быстро развернулась, вышла из переулочка и громко окликнула удалявшегося азиата:

– Простите!

Парень остановился и повернул голову. Маша быстро и внимательно оглядела его. Очки в модной оправе, джинсы, белая рубашка. На тощей жилистой шее болтается фотоаппарат «Никон», рот растянут в доброжелательной улыбке.

– Я из полиции, – отчеканила Любимова, подходя к замершему в ожидании парню. – Вы здесь только что не видели полного мужчину в кепке и темных очках?

Он улыбнулся еще шире, выражая готовность к общению.

– Sorry... – проговорил он и тут же добавил на ломаном русском, стараясь выговаривать слова как можно правильнее: – Простите, я плохо говорить по-русски. Скажите это медленно, пожалуйста. Спасибо.

– Маш! – громко окликнул ее Стас. – Я тут кое-что нашел!

Маша вновь окинула взглядом худую фигуру прохожего. Сложением – типичный эктоморф¹, рост около ста восьмидесяти, глаза узкие, нос плоский.

– Извините, – сказала ему Маша, повернулась и заспешила к Стасу.

Он стоял возле большого железного мусорного ящика, прислоненного к высокой кирпичной стене.

– Взгляни, – сказал Данилов.

Маша наклонилась и посмотрела на клочок ткани, висевший на краю ящика. Клочок был явно оторван, и, скорее всего, на бегу. Синий. По виду – хлопок.

– Зацепился рукавом, когда убегал, – резюмировала Маша.

– Да, скорее всего, – кивнул Данилов.

Маша достала из сумочки пластиковый пакетик и крохотные стальные щипцы, с которыми никогда не расставалась, поддела клочок ткани щипцами, аккуратно сняла его с бака и сунула в пластиковый пакетик.

¹ Человек худощавого телосложения, с узкой грудной клеткой и удлиненными конечностями.

Стас задрал голову и посмотрел на стену.

– Можно предположить, что Лукьянов вскочил на ящик, а потом перемахнул через стену. Но от ящика до края стены больше трех метров. Либо этот сукин сын гимнаст, либо...

– Либо он вообще никуда не прыгал, – закончила за него Маша.

Брови ее сошлись на переносице.

– Из переулка никто не выходил, – принялась рассуждать Маша, – кроме...

Она замолчала.

– Кроме кого? – спросил Стас.

Она посмотрела на Данилова:

– Ты видел азиата, с которым я разговаривала?

– Да. Мельком. А что?

Маша озабоченно нахмурилась. Стас внимательно на нее посмотрел и недоверчиво хмыкнул:

– Чепуха! Это не мог быть Лукьянов.

– Да, – вынуждена была признать Любимова. Вздохнула и добавила: – И все же мы его упустили. Он ушел. И черт меня подери – хотела бы я знать, как он это сделал?!

– Просочился сквозь стену, – с горькой иронией произнес Стас. – Так же, как в палату Черновца.

Маша покачала головой:

– Нет. В палату он вошел через дверь. А потом разыграл простой фокус – на уровне пятого класса школы.

Стас внимательно посмотрел на Машу:

– Видимо, я учусь в четвертом, раз до сих пор не понял.

– Сейчас поймешь. Он...

Договорить Маше не дал громкий топот ботинок. Из-за угла вывернул запыхавшийся Толя Волохов. Остановился и спросил, хрипло дыша:

– Ну, что? Ушел?

– Ушел, – мрачно ответил Стас. – Улетел. Испарился.

– Уф-ф... – Толя нагнулся и уперся ладонями в коленки, силясь отдышаться.

Стас с сочувствием посмотрел на его красное лицо и проговорил:

– Анатолий, когда ты наконец бросишь курить?

– Когда рак на горе свистнет. Или когда ты снова женишься.

– В таком случае тебе придется помереть с сигаретой в зубах.

Стас заглянул в курилку, увидел дымящего сигаретой Толю и воскликнул:

– Волохов, ты здесь! А я тебя везде ищу!

– А про такую штуку, как мобильный телефон, ты не слышал?

Стас скривился:

– Хватит умничать, тебе это не идет. Ты допрашивал водителя Черновца?

– Ну. И что?

– Не нравятся мне его показания. По-моему, он темнит.

– С чего ты взял?

– Интуиция, Толя, интуиция!

– Про интуицию ты лучше Маше Любимовой расскажи – она поверит. Хочешь допросить его еще раз?

– Было бы неплохо.

– А ты не слишком ли въедлив, Стасис?

Данилов окинул здоровяка Волохова взглядом снизу вверх и обратно и сказал:

– Видишь ли, мой маленький друг... Если бы ты внимательно слушал преподавателей школы милиции, а не разгадывал в это время кроссворды, ты бы знал, что в нашем деле въедливость – это главное!

– Да я не против, – пожал плечами Толя. – Хочешь допро-

сить – валяй, допрашивай.

– А сам не хочешь это сделать?

Волохов посмотрел на друга тяжелым взглядом:

– У меня за две недели три обращения по поводу пропавших девушек. Хочешь, чтобы я все бросил и посвятил остаток дня приятной беседе с А. Г. Феклистовым?

– Девушки, конечно, важнее, – согласился Стас. – Они всегда важнее. Кстати, как у тебя с женой?

– Нормально. – Волохов улыбнулся. – Этот питерский диагностик совершил настоящее чудо. Представляешь, выяснилось, что ей просто неправильно поставили диагноз! Никакой болезни сосудов у нее не было, и головной мозг в порядке. Оказалось, что у нее какая-то «пролактиннома», и она успешно лечится, даже без операционного вмешательства. Погоди... – Толя рассеянно нахмурился: – Я тебе это уже рассказывал, да?

– Раз восемь, – сказал Стас. – Но я готов послушать снова, лишь бы тебе было приятно.

– Прости. – Толя смутился. – Я, наверное, в последние недели только об этом и талдычу...

– Не без этого. Но не волнуйся, у нас понимающий коллектив. – Стас хлопнул Волохова по могучему плечу. – Я рад, что у вас все наладилось, малыш!

– Да уж. – Толя усмехнулся. – Еще полгода назад она меня даже не узнавала, а теперь пилит по каждому поводу – прямо как в наши лучшие дни.

– В семейной жизни есть свои ямы и буераки, – философски изрек Стас. – Но есть и трамплины.

– Ну а у тебя как с этим делом? – поинтересовался Волохов. – Все так же прыгаешь по девичьим койкам?

– Это они прыгают по моей койке, – поправил Стас. – Иногда по очереди, а иногда, когда особо невтерпеж, все вместе.

– И такое бывает? – поднял брови Волохов.

Стас усмехнулся:

– А то!

Волохов посмотрел на коллегу с сочувствием и вздохнул:

– Совсем ты опаскудился, Данилов. Скоро тебе будут сниться такие же сны, какие снятся престарелым гинекологам. А наяву ты будешь шарахаться от женщин, как от воплощения своих худших кошмаров.

Стас засмеялся:

– Вот это уж мне точно не грозит. Ладно, пойду вызову Феклистова к нам. Попробую нагнать на него побольше страха.

* * *

Полтора часа спустя, усадив Феклистова, водителя покойного Черновца, за стол, Данилов сел напротив него, закинул руки за голову и сцепил пальцы.

– Вас не смутит, если я одновременно буду делать гимнастику и разговаривать? – поинтересовался он у водителя. –

Спина затекла.

– Меня это не смутит, – сухо ответил тот.

– Отлично. – Стас чуть подвигал плечами. – В некоторых системах йоги, – сказал он, – эта поза называется «Спокойное ожидание». Она мне очень нравится. Знаете, почему?

– Нет.

Стас улыбнулся:

– Потому что я всегда спокоен. А спокоен я из-за того, что верю: любое преступление может быть раскрыто. Рано или поздно правда всегда выплывает наружу. Как ее ни скрывай.

Стас опустил руки, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, потом посмотрел на водителя и сказал:

– Ну что, приступим к непосредственному предмету нашего разговора?

– Давайте.

– Итак, вы – Александр Григорьевич Феклистов. Работаете... вернее, работали водителем у Черновца Владимира Марковича. Я все правильно излагаю?

– Да, все верно.

Стас пошелестел листочками дела:

– В ваших показаниях записано, что в тот день, когда Черновец попал в больницу с инсультом, вы не видели и не слышали ничего подозрительного. Это так?

– Так, – кивнул парень.

– То есть ваш начальник В. М. Черновец вернулся домой один, в добром здравии – усталый, трезвый и добродушный?

– Я бы не сказал, что он был добродушным, но вернулся он один и был здоров.

– Понятно. – Стас снова пробежался взглядом по протоколу допроса. Поднял глаза на парня, пристально на него посмотрел и спросил изменившимся голосом: – Ну а вы?

– Что я? – не понял водитель.

– Как *вы* себя чувствуете?

Парень пожал плечами:

– Нормально чувствую. А что?

– Близорукостью или тугоухостью не страдаете?

Брови парня удивленно дрогнули.

– Нет. А при чем тут...

– Это я на тот случай, что вы могли из-за болезни что-то не увидеть или не услышать, – объяснил Стас.

– Я работаю водителем, – сказал парень. – Так что слух и зрение у меня нормальные!

Стас вежливо улыбнулся:

– Приятно слышать. Ну а с нервами как?

– В каком смысле?

– В прямом. Не шалят? Не хочется иногда выкинуть что-нибудь этакое?

– Хочется, – сказал водитель и тоже усмехнулся. – Хочу выкинуть старую мебель и купить новую.

Стас благодушно засмеялся, резко оборвал смех и заботливо спросил:

– Спите по ночам крепко?

– Не жалуюсь, – ответил водитель. – А при чем тут...

– Просто интересуюсь, – перебил Стас. – В тюрьме-то крепко поспать не придется! Там нужно каждую минуту быть на стреме. Особенно такому молодому и симпатичному парню, как вы.

Парень хмуро посмотрел на Данилова и недоверчиво произнес:

– На что вы намекаете? При чем тут тюрьма?

– Ну, как – «при чем»? За дачу ложных показаний или за сокрытие от следствия важных улик полагается срок. И, между прочим, вполне приличный.

– А кто вам сказал, что я что-то скрываю?

– Опыт.

– Опыт?

Стас кивнул:

– Да. «Мой опыт – сын ошибок трудных...» Не помните, кто написал?

– Нет.

– Кажется, Пушкин. Хотя я могу спутать. Так вот, насчет опыта. Мой опыт ясно говорит мне, что ты виляешь.

Парень уставился на Данилова удивленными глазами.

– Я?

– Ты.

Водитель чуть сощурился:

– Разве мы перешли на «ты»?

– Можем и не переходить, – холодно произнес Стас, – но

тебя это уже не спасет.

– От чего не спасет?

– От справедливого возмездия.

Водитель усмехнулся:

– Это у вас такая манера – все время пугать?

– Моя манера – говорить подозреваемому правду. Чтобы он знал, чем рискует.

– А разве я уже подозреваемый?

– Для меня – да, – резко проговорил Стас. – И теперь, – прошипел он, подобно змею, испепеляя водителя взглядом, – когда я это понял, я приложу все усилия, чтобы ты сел на нары – всерьез и надолго!

Стас еще несколько секунд смотрел парню в глаза, затем снял с телефона трубку, клацнул по кнопкам и холодно проговорил:

– Толя, все подтвердилось. Вызови конвой, а я пока оформлю бумаги.

– Подождите! – Водитель облизнул пересохшие губы. – Не надо бумаг. Я все расскажу!

– Толя, пока отбой. – Стас положил трубку на рычаг и взглянул на парня: – Я готов вас выслушать, Александр Григорьевич. Но если я снова замечу, что вы лжете, я добьюсь того, чтобы вас бросили в камеру к самым отъявленным отморожкам. А теперь начинайте!

Полковник Жук никогда не повышал голос – ни на подчиненных, ни тем более на начальство. С его морщинистого лица не сходило выражение приветливой вежливой внимательности. Щеточка седых усов полковника была всегда аккуратно подстрижена, а седая челка столь же аккуратно зачесана набок. Тот, кто впервые видел перед собой Старика, мог бы принять его за доброго дедушку, но опера́ прекрасно знали, какая жесткая сущность кроется за этим мягким обликом.

– Мария Александровна, поясните еще раз, для вновь прибывших, – попросил Старик, когда в кабинет вошли криминалист Паша Скориков и судмедэксперт Лаврененков.

– Все просто, – сказала Маша. – Убийца поставил пластиковый стакан на край аппарата искусственного жизнеобеспечения, так, чтобы половина донышка стакана свисала над краем. Но в стаканчике была не вода – там был кусок льда. Панель аппарата была теплой, лед начал таять. Как только он подтаял, образовавшаяся вода перетекла на другую сторону стаканчика, тот потерял равновесие и перевернулся. Вода из него выплеснулась, и произошло короткое замыкание, которое вывело аппарат из строя. Вот и вся загадка.

– У него была масса способов убить Черновца, – сказал полковник Жук, – но он предпочел самый экзотический. О

чем это говорит?

– О том, что он – игрок, – сказала Маша. – Задача, которую он нам задал, была элементарной. Он проверял наш уровень интеллекта. Он хотел посмотреть, как мы с ней справимся. Поэтому он и не ушел из больницы сразу – хотел насладиться зрелищем нашего позора.

– Да уж... – Старик задумчиво пристукнул карандашом по крышке стола.

Данилов посмотрел на Машу странным взглядом:

– Слушай, Марусь, а как ты его вычислила?

– Лукьянова?

– Да.

– Фокус со стаканчиком и куском льда был очевиден. Лукьянов входил в палату за несколько минут до появления там медсестры. Следовательно, убийцей был либо он, либо медсестра. – Маша пожала плечами. – Медсестру ты видел сам. На убийцу она не похожа, даже если предположить у нее наличие огромного актерского таланта.

– Да уж, – хмыкнул Стас. – На леди Макбет она точно не тянет.

– Остался Лукьянов. Я его спровоцировала – он «повелся». Вот и все.

Стас вздохнул:

– Жаль, что упустили гада! Я позвонил матери медбрата Лукьянова. Она не видела сына уже месяц. Утверждает, что он снимает где-то квартиру. Я попытался пробить по ба-

зе, но не получилось. По-видимому, Лукьянов снимает жилье неофициально, без договора и регистрации. Так что нам придется изрядно повозиться, чтобы найти его новое место обитания.

– Повозитесь, – сказал полковник Жук. – Подключите еще кого-нибудь. Вот хоть Анатолия.

Толя Волохов сдвинул брови и кивнул в знак согласия. Полковник перевел взгляд на Пашу Скорикова:

– У вас какие новости?

– На лоскуте ткани, найденном на мусорном баке, обнаружены частицы касторового масла. А также тальк.

– Это все?

– Все, – кивнул Паша.

– И что это, по-вашему, значит?

– Трудно сказать. Обычно касторовое масло применяют в медицине как слабительное средство. А также в косметике, при уходе за кожей лица.

– Класс, – тихо и насмешливо проговорил Данилов. – Наш убийца – Нарцисс, страдающий запором!

Оперативники заухмылялись. Старик кашлянул в кулак, прерывая общее веселье, и посмотрел на Машу:

– Мария Александровна, что вы скажете?

– Я навела кое-какие справки о Черновце. Он был довольно-таки неоднозначной фигурой. С темным прошлым и не слишком прозрачным настоящим. С подчиненными был строг и даже жесток. Семьи не имел. Последние два года за-

нимался благотворительностью. Увлекался коллекционированием антиквариата. Говорят, что в последние несколько месяцев Черновец много времени проводил в церкви. Я хочу наведаться туда и поговорить со священником, который был его духовником.

– Что ж, это может помочь, – согласился Старик.

– Андрей Сергеич, можно? – подал голос Стас Данилов.

– Да, Станислав Сергеевич, конечно.

– Я тут побеседовал со слугами Черновца...

– Капитан, – вежливо осадил его Старик.

– Простите, с его наемными работниками. Мне показалось, что водитель Черновца темнит. Я как следует прижал его, и парень рассказал, что примерно за полчаса до того, как Черновца хватил удар, он был с девушкой.

– Черновец? – уточнила Маша.

Стас покосился на нее и хмыкнул:

– Ну, не водитель же!

– Тогда выражайся яснее.

– А ты не занудствуй. – Он вновь повернулся к полковнику: – Девушка была журналисткой, подцепил ее наш бизнесмен и политик на пресс-конференции в Домжуре. Привез домой, отослал водителя, уединился... А примерно через полчаса к нему приехал секретарь, чтобы напомнить о какой-то встрече. Дозвониться он до Черновца не смог – тот не брал трубку, вот и приехал лично. О том, что было дальше, вы уже знаете.

– Что насчет других свидетелей? – поинтересовался Старик.

– Охранники в Домжуре тоже видели, как девушка садилась в машину Черновца. Но внешность ее никто толком не запомнил, потому что девушка была в темных очках. Мы попробовали составить фоторобот, но из этого ничего не вышло. Одно ясно – девушка была высокого роста, блондинка. Но в наше время каждая вторая девушка может считаться высокой, а превратить брюнетку в блондинку и обратно – дело одной минуты.

– Личность журналистки установить пробовали?

– Да, Андрей Сергеич. Потратили на это с Толей уйму времени, но это бесполезно. Там у них многие журналисты приходили без формальной регистрации. Черновец хотел казаться демократом и распорядился впускать всех, кто придет на встречу – даже без предъявления документов.

– Значит, теперь у нас уже двое подозреваемых, – спокойно произнес Старик. – Медбрат Лукьянов и неизвестная журналистка.

– Андрей Сергеевич, на мой взгляд, записывать девушку в подозреваемые совсем не обязательно, – возразил судмедэксперт Лаврененков. – В организме Черновца мы не нашли никакого намека на отравляющие вещества. – Даже следов лекарств нет. Кровь его была чиста как у младенца, если не брать в расчет алкоголь. Вполне возможно, что девочка просто хотела переспать с богатым известным человеком, но тот

не выдержал сексуального напряжения и пал, сраженный зарядом адреналина. Ну а девушка испугалась и удрала, что вполне объяснимо в такой ситуации.

– И отпечатки за собой стерла, – сказала Маша.

– Вообще-то нет, – вступил в разговор Толя Волохов. – Водила признался, что отпечатки стер он. И бокалы из-под шампанского помыл.

– Зачем? – прищурился Старик.

– Не хотел позорить шефа.

– Н-да... – Полковник задумчиво побарабанил пальцами по столу. Взглянул на часы. – Кто-нибудь хочет еще что-нибудь сообщить или предположить?

Оперативники переглянулись и пожали плечами.

– На данном этапе у нас больше ничего нет, – ответила за всех Маша.

– В таком случае продолжайте работать, – сказал полковник. – Совещание закончено, все свободны.

В церковном скверике великовозрастный детина измывался над мальчишкой, держа его за шиворот и отвешивая ему тумаки. В углу рта детины дымилась сигарета.

– Ты что творишь, отрок? – громко крикнул отец Иоанн.

– Не лезь, поп, – лениво отшил его детина, лениво сплюнул на асфальт и вновь повернулся к своей жертве.

Отец Иоанн поднялся со скамейки и неспешно подошел к верзиле.

– Обижая слабого, рискуешь нарваться на сильного, – назидательно произнес он.

Верзила повернулся к священнику и ухмыльнулся:

– Да ну? И че ты мне сделаешь?

Отец Иоанн молниеносным движением сгреб парня за шиворот и так встряхнул негодяя, что сигарета выпала у того изо рта, а в карманах куртки звякнула мелочь.

– Если не умеешь слушать ушами, подвергаешь опасности всю голову, – прогудел отец Иоанн.

– Я...

– Ты думаешь, что ты – волк, но ты – лишь заблудшая овечка, вообразившая себя волком! Ты меня понимаешь?

Он еще раз тряхнул хулигана.

– Да! – завопил тот.

– Тогда верни ему деньги.

Верзила послушно сунул руку в карман, вынул мятую купюру и протянул ее мальчишке. Тот робко глянул на отца Иоанна. Отец Иоанн ободряюще ему улыбнулся. Мальчик взял деньги.

– Вот так. – Отец Иоанн отпустил ворот хулигана. – Теперь ступай и больше не греши.

Маша, вошедшая в скверик за несколько секунд до начала этой воспитательной экзекуции, узнала отца Иоанна сразу. Он полностью соответствовал описанию: высокий, сутуловатый, с длинными светлыми волосами и такой же светлой бородкой.

– Я вижу, вы умеете работать кулаками, – сказала Маша, остановившись возле скамейки.

Отец Иоанн посмотрел на нее, вздохнул и задумчиво изрек:

– Насилие – грех, даже когда совершаешь его во благо.

– Но ведь Христос умел действовать не только словом, но и бичом, – возразила Маша. – Он изгнал бесов из одержимого. И прогнал из храма менял.

Отец Иоанн вздохнул вторично. Поднял голову, посмотрел на кроны деревьев и изрек:

– Изгоняя беса из другого, опасайся, как бы этот бес не вселился в тебя.

– Но разве плохо, если вместо того, чтобы подставить злодею левую щеку, дашь ему сдачи? Или лучше – уничтожишь его. Возможно, это спасет кому-нибудь жизнь!

Отец Иоанн сдвинул белесые брови.

– Проблема не в том, дашь ты ему сдачи или нет, – тихо сказал он, – а в том, что зло дремлет в каждом из нас. До поры до времени оно связано, заковано по рукам и ногам. Верой, страхом, совестью – у кого как. Но насилие, даже совершенное во благо, развязывает злу руки, и тогда оно овладевает тобой. – Он внимательно посмотрел на Машу и вдруг сказал: – Кровь трудно смывается с одежды. Но грех с души – еще труднее.

Лицо священника погрузнело, как, вероятно, происходило всякий раз, когда ему приходилось сталкиваться с темной стороной человеческой сущности.

– Отче, – снова заговорила Маша, – простите, что не поздоровалась и не представилась. Меня зовут Мария Александровна Любимова. Я майор полиции, работаю в уголовном розыске.

– Вот оно что. – Отец Иоанн чуть прищурил голубые глаза. – Никогда бы не подумал! Вы не похожи на полицейского.

– А на кого я похожа?

– На артистку. На фотомоделю. Впрочем, я не знаком с фотомоделями и не очень хорошо представляю, как они выглядят в жизни.

– Они на порядок красивее меня. И сантиметров на десять выше.

– Мне кажется, вы себя недооцениваете. Впрочем, вам виднее.

Маша улыбнулась:

– Спасибо на добром слове. Я хотела с вами поговорить об одном деле. Мы можем присесть?

– Конечно.

Они сели на скамейку.

– Отче, я хочу поговорить с вами об одном человеке. Его имя – Владимир Маркович Черновец. Вы с ним были знакомы, верно?

Священник приподнял брови:

– Был?

– Черновец умер.

Отец Иоанн хрипло вздохнул и уточнил рассеянным глухим голосом:

– Когда?

– Сегодня утром.

Священник помолчал, глядя на деревья, и коротко уточнил:

– Это из-за инсульта?

– Не совсем. Аппарат искусственного жизнеобеспечения вышел из строя.

– Вышел? – Отец Иоанн прищурился. – А разве такое бывает?

– Скажем так: у нас есть основания полагать, что аппарату «помогли».

– Вот оно что. – Священник нахмурился. – Что ж... Да смилостивится Господь над его грешной душой. Царствие

ему небесное, которого он, боюсь, никогда не увидит.

Отец Иоанн перекрестился. Маша взглянула на него острым пронзительным взглядом.

– Необычные слова для священника, – сказала она.

– Уж какие есть, – спокойно отозвался отец Иоанн. – Других Черновец просто не заслуживает.

– Могу я узнать, почему?

Он качнул головой:

– К сожалению, нет.

– Но я пришла сюда поговорить о нем.

– И напрасно. Я не хочу о нем говорить. Если это все, то я...

– Вы – его духовник, – сказала Маша.

Щека отца Иоанна дернулась.

– Уже нет, – парировал он. – И не по причине его смерти. Я снял с себя сие священное бремя еще месяц тому назад.

Любимова смущенно отвела взгляд.

– Я видела фотографию, где вы с ним стоите рядом и улыбаетесь, – сказала она. – Вы выглядите как два лучших друга.

– Это было давно. – Отец Иоанн помолчал немного, затем тихо и с явным неудовольствием проговорил: – Этот человек был сущим исчадием ада! На него не распространялись ни божеские, ни человеческие законы.

– Что же он такого натворил? – спросила Маша.

Отец Иоанн усмехнулся:

– Лучше спросите, чего он не творил. Душа этого челове-

ка была чем-то вроде черной дыры. Она не испускала света и не имела дна.

– Черновец занимался благотворительностью, – напомнила Маша.

– Попытка купить себе индульгенцию... – нахмурившись, проговорил священник. – Прощение всех грехов – и прошлых, и будущих.

– Отец Иоанн, что вы о нем знаете? И что я как полицейский, расследующий обстоятельства гибели Черновца, должна о нем знать?

Священник помолчал, холодно, из-под насупленных бровей, поглядывая на Машу. А затем произнес глухим, недружелюбным голосом:

– Вам знакомо такое понятие – тайна исповеди?

– Знакомо.

– Тогда вы понимаете, что я ничего не могу вам сказать.

– Я не прошу, чтобы вы выдали мне личные секреты Черновца. Но если у вас есть какие-то подозрения или догадки, касающиеся его смерти...

– Все, что я о нем знаю, открылось мне во время его исповедей, – сказал отец Иоанн. – Никакого другого общения у нас с ним не было.

Несколько секунд оба молчали. Отец Иоанн прервал молчание первым.

– Напрасно вы занимаетесь этим делом, – сказал он. – Черновец получил то, на что давно напрашивался. А если

хотите узнать мое мнение, то я твердо скажу: его смерть – не дело человеческих рук!

Маша удивленно моргнула:

– Хотите сказать, что за ним приходил сам дьявол?

– Дьявол существует не только в сказках и Священном Писании. Он – такая же физическая данность, как и мы с вами. Вы видели его тысячу раз, но не отдавали себе отчета в том, *что* именно вы видите.

– Я видела много злодеев, но они были людьми, – сказала Маша.

Священник пристально посмотрел ей в глаза и тихо, задумчиво произнес:

– Дьявол ходит среди нас неузнанным.

– Разве это говорится не про Иисуса?

– Про Иисуса. Но что есть Дьявол, как не обезьяна Бога, пародирующая все его деяния?

В сумочке у Маши зазвонил телефон, она достала трубку, посмотрела на экран дисплея, на котором было написано «Мама», нахмурилась и отключила связь. Вздохнула и спросила прямо:

– За что убили Черновца? Какую тайну он унес с собой в могилу? Я не прошу от вас прямого ответа, но хотя бы намекните!

Некоторое время отец Иоанн молчал, затем недовольно посмотрел на Машу и ответил:

– Задумайтесь над тем, почему он попал в больницу.

– У него был insult.

– Да, но, быть может, этот insult что-то спровоцировал? Поговорите с теми, кто был рядом с ним в тот роковой день. И еще – корни многих бед тянутся из прошлого. Грехи не рождаются в одночасье.

– Что это значит? Черновцу за что-то отомстили?

– Я этого не говорил.

– Тогда что?

– Вы верите в то, что дьявол помогает человеку достичь успеха?

– Смотря в чем.

– Успех чаще всего связан с делами грязными и греховными.

– Не уверена, что это так. Но если вы попробуете мне объяснить...

– Простите, больше я ничего не могу вам сказать, – перебил ее отец Иоанн. – Вы кажетесь мне хорошим человеком, Мария Александровна. Мой вам совет: держитесь подальше от Черновца и всего, что с ним связано! Иначе...

Он замолчал, и Маша уточнила:

– Иначе что?

– Иначе вы рискуете потерять не только жизнь, но и душу. Прощайте, и храни вас Господь!

Отец Иоанн поднялся со скамейки, перекрестил Машу, повернулся и зашагал к церкви.

Неизвестно почему, но Машу охватила злость.

– Я найду убийцу! – громко сказала она вслед священнику.

Отец Иоанн на секунду остановился, взглянул на Машу через плечо, отвернулся и зашагал дальше. Во взгляде его Любимова прочла сожаление.

Маша достала из сумочки телефон и набрала номер Стаса Данилова.

– Слушаю! – откликнулся тот после первого же гудка.

– Стас, я встретилась со священником.

– И что он рассказал?

– Ничего конкретного. Насколько я поняла, он уверен, что Черновца убил дьявол.

Стас хмыкнул:

– А ты в этом еще сомневалась? Когда медбрат Лукьянов прыгал в окно, я успел заметить у него копыта и хвост.

– Стас, я серьезно!

– Я тоже. Этот тип спрыгнул с третьего этажа – спорхнул как птичка и приземлился тоже как птичка. А потом прошел сквозь стену, не оставив следов. По-твоему, люди на такое способны?

– Насчет «не оставив следов» – это ты погорячился. У нас есть клочок его толстовки со следами талька и касторового масла. Кстати, Паша Скориков ничего нового не нарыл?

– Вроде нет.

– А как насчет медбрата Лукьянова? Адрес уже есть?

– Пока нет. Но я на правильном пути. Ты уж мне поверь.

– Ни секунды в тебе не сомневалась. Слушай, священник намекнул на то, что insult случился с Черновцом не просто так. Он посоветовал обыскать квартиру Черновца и поискать тайник или сейф.

– Да ведь искали уже. И сейф нашли. Только из него ничего не пропало.

– Так-то оно так, но... вдруг что-то все-таки пропало?

– Продолжай, – сказал Данилов.

– Нечего продолжать, Стасис. Отец Иоанн не сказал ничего конкретного, сославшись на тайну исповеди. Ну а у тебя есть что-нибудь новое?

– Нет, Марусь. Пока полный голяк.

– Ладно. Тогда до связи.

– До связи!

Это был трудный день. Но любой день, даже самый тяжелый, когда-нибудь заканчивается. Для Маши Любимовой он закончился, как всегда, в уютной трехкомнатной квартире, расположенной в Марьиной Роще.

Скинув сапоги, Маша уселась в кресло и с удовольствием водрузила гудящие ноги на мягкий пуфик. Прикрыла глаза, намередаясь десять минут посидеть не двигаясь и наслаждаясь покоем, но уже через минуту затрезвонил телефон. Маша, не открывая глаз, нащарила правой рукой сумочку, достала мобильник и, нажав на кнопку связи, поднесла его к уху:

– Да.

– Ма, это я! – услышала она звонкий голос сына Митьки. – Не могу вспомнить: говорил я тебе, что переночую у Витьки Малышева, или нет?

– Говорил.

– А, ну тогда все в порядке.

– Дай трубку его маме.

– Щас! Инна Сергеевна, моя мама хочет с вами поговорить!

В трубке зашуршало, потом женский голос – такой же усталый, как у Маши, – произнес:

– Здравствуйте, Мария Александровна!

– Добрый вечер! Инна Сергеевна, мой оболтус не очень сильно вам там мешает?

– Да что вы, нет, конечно. Они с Витей уже поужинали и теперь играют в видеоигры.

– Пусть не засиживаются, ладно?

– Конечно. Я прослежу, чтобы они легли спать до одиннадцати. А завтра, часам к девяти, завезу его к вам, хорошо?

Боже! Вставать в девять часов утра, и это в субботу! Маша поморщилась.

– А... попозже можете? – пробормотала она и прикусила губу.

В трубке на пару секунд повисла тишина, а затем Витькина мама спокойно произнесла:

– Конечно. Часикам к одиннадцати?

– Да, это будет в самый раз. Спасибо вам!

– Не за что.

– Доброй ночи!

– Доброй ночи!

Маша отключила связь и вздохнула. Ну вот – избавилась от сына. Да еще и попросила привезти его как можно позже. Какая же ты пройдоха, Любимова!

И все же Маша не чувствовала себя виноватой. Теперь можно будет провести с Глебом приятный романтический вечер. И самое главное – сделать *это* не в спальне, а в гостиной, о чем Маша мечтала с тех пор, как Глеб соорудил в гостиной камин и расстелил перед ним белый пушистый ковер

из великолепно выделанной овчины.

Глеб пришел через час. Открыв дверь, Маша окинула взглядом его продрогшую и промокшую под дождем фигуру и всплеснула руками:

– Господи, ты похож на мокрого воробья!

– Иногда даже орлы выглядят воробьями, – гордо сказал Глеб, юркнув в прихожую. – Машину пришлось припарковать далеко от подъезда. А на улице ливень.

– Снимай куртку!

– Угу.

Маша помогла ему стянуть мокрую куртку.

– А теперь быстро в ванную! – приказала она. – И под горячий душ!

– Да, но я бы сначала...

«...Выпил чего-нибудь крепкого», – хотел было сказать Глеб, но не договорил.

– Никаких возражений, – сказала Маша с напускной строгостью. – Я не допущу, чтобы ты умер от воспаления легких! Мокрую одежду оставишь в ванной. Я принесу тебе халат.

Горячий душ пошел Глебу на пользу. Его загорелые щеки слегка порозовели, темные волнистые волосы были зачесаны назад, открывая высокий аристократический лоб.

Закутавшись в красный мягкий халат, который ему подали где-то в Азии, Глеб развалился в кресле и перевел дух. Маша присела на подлокотник кресла и провела ладонью по его влажным волосам.

– Устал?

– Угу. – Глеб взял ее руку и поцеловал. – Набегался, как собака. Но кому я об этом говорю! У тебя самой работа собачья.

Маша улыбнулась и покачала головой:

– Меня везде возят на машине. Я даже «баранку» сама не кручу. И поклонницы мне не досаждают.

Она высвободила руку из его ладони и встала.

– Ты куда? – спросил Глеб.

– Сделаю тебе кофе. Тебе как всегда – с двумя ложками сахара?

– Угу.

– Сахар – это яд.

– Из твоих рук я готов принять даже яд. – Глеб прикрыл глаза.

– Если ты голоден, я могу нажарить блинов. У нас в холодильнике осталась икра.

– Не хочется, – сказал Глеб. – Я поужинал в ресторане. – Он потянулся. – Лягу сегодня спать пораньше. Завтра тяжелый день. К тому же вечеринка в Доме кино.

Маша остановилась. Черт, она совсем забыла про презентацию! А ведь уже и вечернее платье куплено. Маша представила, как она будет слоняться по залу с бокалом шампанского в руке среди незнакомых людей, и поморщилась.

– Слушай, Глеб, – осторожно начала она, – может, я не пойду на эту вечеринку?

Глеб открыл глаза и строго на нее посмотрел.

– Повтори!

Маша виновато улыбнулась:

– Ну, что я там буду делать? Я же не тусовщица. И вечернее платье уже лет двести не надевала.

Глеб вздохнул:

– Маш, ну что я там буду делать без тебя?

– То, что делаешь всегда. Познакомишься с какой-нибудь длинноногой грудастой дамой лет двадцати...

– Меня вполне устраивает длина твоих ног, – отрезал Глеб. И добавил с улыбкой: – Не говоря уже про дивную форму твоей груди.

– Лыстец. – Маша вздохнула. – Ладно, потащусь на твою вечеринку. Только сделай так, чтобы я потом об этом не пожалела, ладно?

– Ладно.

Блины она все-таки пожарила. Каким бы сытым ни приходил домой журналист Глеб Корсак, но перед сном он всегда перекусывал, поскольку не любил засыпать голодным.

– Я была сегодня у отца, – сказала Маша, подперев рукою подбородок и наблюдая, как Глеб поедает блинчики.

– У Александра Вадимовича?

Она хмыкнула:

– А у меня есть какой-то другой отец?

– Кто тебя знает. Ты очень загадочная женщина, Любимова. Женщина-тайна!

– Только не для тебя.

Глеб положил себе в тарелку еще один блинчик, намазал его икрой.

– И как поживает дядя Саша? – осведомился он.

– Ругает американцев и ревматизм.

– Неизбежное зло, – сказал Глеб и отправил в рот кусок блинчика.

– Американцы или ревматизм?

Глеб усмехнулся, но не ответил. Доел блинчик и отодвинул пустую тарелку.

– Ладно, Маш, пойду на боковую. Завтра будет трудный день. Ты тоже долго не засиживайся.

– Постараюсь, – сказала Маша.

Глеб встал из-за стола, поцеловал ее в щеку, выпрямился и усталой походкой отправился в душ. Маша грустно посмотрела ему вслед.

Всю жизнь Маша считала, что писательство – самая спокойная и неспешная профессия. Но с тех пор как Глеб стал писателем, беготни у него только прибавилось.

Издательство сделало ставку на его книгу, обеспечило ей мощное рекламное продвижение. Так или иначе, но если раньше Маша видела своего любимого хотя бы два часа в день, то теперь их общение свелось к совместному ужину пару-тройку раз в неделю. Лишь изредка – как, например, сегодня – им удавалось пересечься где-нибудь днем и вместе пообедать.

Маша вздохнула. Похоже, романтический вечер придется отложить. Что ж, она это переживет. В конце концов, женщины не так сильно нуждаются в плотской любви, как мужчины. Определенно.

Маша уселась за письменный стол, надела очки, протянула руку к музыкальному центру и включила негромкую музыку. На этот раз ее выбор пал на вещицу «A face without a name» Билла Эванса. К джазу Машу приохотил Глеб, и теперь она не понимала, как могла раньше жить без этой музыки. Ведь под джаз ей не только хорошо отдыхалось, но и думалось лучше.

Под нежные, трогательные звуки прекрасной мелодии Маша принялась набрасывать в тетради схемки.

Глеб подошел сзади, бесшумно. Когда он обнял ее, Маша вздрогнула.

– Как насчет того, чтобы опробовать ковер перед камином? – спросил он.

– На предмет?

– На предмет его мягкости.

Маша улыбнулась и поежилась.

– Ты собираешься меня соблазнить?

– А у меня получится?

– Конечно. – Она посмотрела на него снизу вверх и усмехнулась: – Какая девушка в здравом рассудке может отказать такому красавчику?

Глеб наклонился и поцеловал ее в приоткрытые губы. За-

тем – без предупреждения, одним сильным движением – поднял ее на руки и отнес в гостиную, к камину. Там он бережно опустил ее на расстеленную шкуру, расстегнул Машину рубашку и поцеловал ее в грудь.

Свечи уже были зажжены, в камине потрескивали поленья. Все было так, как она мечтала. По телу Маши пробежала сладкая истома. Она запустила пальцы в его густые волосы. Его мягкие губы скользнули к ее животу.

– Подожди, – сказала Маша. – Давай выключим свет.

– Зачем?

– Без света лучше.

– Почему?

– Я не хочу, чтоб ты разглядывал мой живот.

Глеб улыбнулся:

– У тебя самый красивый живот в нашей Галактике!

– Только в нашей?

– В другой я не был. Но если там есть такие же, я готов полететь туда хоть завтра!

– Какой ты ветреный, – тихо засмеялась Маша. – Еще слово, и я стукну тебя по голове подсвечником.

– Ты этого не сделаешь. Иначе одним твоим поклонником на земле станет меньше.

– И одним болтуном тоже, – сказала Маша.

Глеб протянул руку к торшеру и выключил свет. Притянул Марию к себе, осторожно снял рубашку, бросил ее на пол. Каждое его движение было полно необыкновенной неж-

ности. Маша закрыла глаза. Она чувствовала, как его губы блуждают по ее телу. Наконец их ноги переплелись, Маша обняла его и крепко прижала к себе, их дыхания смешались...

...Через час они перебрались в постель и перевели дух. Глеб закурил и включил телевизор. На экране пела очередная блондинка-старлетка с рыбьими губами. Внизу появилась надпись: «Стелла Осенева, «Я сведу тебя с ума».

– Это точно, – усмехнулся Глеб. – С ума от них сойдешь! Сколько нежных созданий в телевизоре развелось: Снежаны, Стеллы, Элины... И все похожи, как родные сестры.

– Не наговаривай, – сказала Маша, держа в руке бокал с белым вином. – Хорошие девочки.

– Если бы они еще умели петь, цены бы им не было.

– Ты даже не включил звук!

– Спасибо, я не мазохист. – Глеб взял дистанционный пульт и выключил телевизор. – Маш, подай-ка мне бутылку, я не дотянусь.

– Сейчас. – Маша потянулась за бутылкой вина, стоявшей на тумбочке, и вдруг со смехом отдернула ногу. – Глеб, перестань меня щекотать! С ума сошел! Я же вино расплескаю! Перестань!

– Прости, захотелось услышать твой смех.

– Не будь мальчишкой!

Корсак улыбнулся:

– Ладно, как скажешь. Буду взрослым серьезным дядей.

Так ты дашь серьезному дяде выпить?

– Попробую. Только если ты не будешь щекотаться.

– Не буду, – пообещал Корсак.

Маши повернулась и вновь захохотала, лягнув Корсака ногой.

– Глеб, ты же обещал! Останешься без вина!

– Все, больше не буду, – пообещал Глеб. – Клянусь своим серебрястым «Порше Кайеном».

– У тебя нет «Порше Кайена»! – со смехом сказала Маша.

– Будет, – оптимистично заявил Глеб. – Так мы пьем вино или как?

Маша прищурила карие глаза:

– Ты обещал!

– Угу. Не бойся – не трону.

Она вновь потянулась за вином и снова покатила со смеху, когда Глеб пощекотал ее пятку, однако на этот раз сумела дотянуться до бутылки.

– Обманщик! – со смехом воскликнула она. – Клятвопреступник!

– Журналист, – поправил Глеб. – Всего лишь журналист. Гони сюда бокалы!

– Держи!

Глеб разлил по бокалам холодное белое «Chateau Perreau».

– Слушай, сколько мы с тобой уже вместе? – спросила Ма-

ша, пригубив вина.

Глеб задумался.

– Года полтора?

– Да. – Она вдохнула. – Даже немного больше. Как летит время... Совсем скоро я стану старой.

– Ничего. Я люблю антиквариат, – заверил ее Глеб.

– Я стану слабенькой и немощной, – грустно сказала Маша. – Я не смогу ходить без костылей.

– Я буду носить тебя на руках, – пообещал Глеб.

– У меня выпадут все зубы!

– Я куплю тебе вставную челюсть.

– Я буду совсем слепенькая, в таких огромных очках... как у пожилых училок. Я даже не смогу прочитать твой новый роман.

– Я прочту тебе его вслух, – заверил ее Глеб.

– Я отощаю и покроюсь морщинами, – не сдавалась Маша. – Стану похожа на мумию.

– В Музее Востока мне дадут за тебя хорошие деньги.

Маша шутливо выпучила глаза:

– Ах ты... Знаешь, кто ты после этого?!

– Кто?

– Спекулянт несчастный – вот кто!

Красный огонек сигареты ярко вспыхнул в полумраке, озарив губы Глеба, сложенные в улыбке.

Глава 2

1

Утром, как это часто случалось, ее разбудил телефонный звонок.

– Маш! – громко окликнул ее Стас Данилов. – Это я!

– Данилов, сегодня суббота, – сонно проговорила Маша. – Я хочу выспаться.

– Брось хныкать. Я узнал новый адрес медбрата Лукьянова!

– В Подольске?

– Что? Нет, Подольск здесь ни при чем. Это здесь, в Москве, в районе «Академической». Одевайся, через двадцать минут я буду у тебя!

– Что?.. Через двадцать?

– Да!

Маша потерла пальцами заспанные глаза.

– А сколько сейчас времени?

– Полдевятого.

– Черт... Кажется, я забыла завести будильник для Глеба.

– Я уже известил Старика. Он распорядился, чтобы я заехал за тобой. Старик верит в твою интуицию, Марусь!

– До сих пор?

– Сам удивляюсь.

– Моя интуиция еще не проснулась.

– Так буди ее скорей! Все, увидимся через двадцать минут!

Стас отключил связь. Маша положила телефон на тумбочку и с досадой проговорила:

– Хорошо начинается суббота, ничего не скажешь!

Глеб приподнял голову с подушки, взглянул на Машу прищуренными глазами и спросил:

– Кто это был?

– Стас Данилов, – ответила она. – Заедет за мной через двадцать минут.

– А сейчас сколько?

– Полдевятого.

– Черт! – Глеб рывком сел на кровати и округлил глаза: – Ты что, не завела будильник?!

– Забыла.

– У меня встреча через сорок минут!

– Успеешь, если поедешь на метро. Но чур я первая в ванную!

Не успел Глеб возразить, как Маша уже была у двери. Ему оставалось только вздохнуть и смириться. Что он и сделал.

Подъезжая к дому, Маша думала о своем сыне Митьке и о том, что она плохая мать. И об этом теперь знает не только она, но и мать Вити Малышева, Инна Сергеевна, которую

Маша уговорила приютить Митьку еще на день.

«Приютить»... Слово-то какое гадкое! И откуда оно только вылезло во время ее разговора с Инной Сергеевной?

Маша, Стас и Толя Волохов вышли из лифта и остановились у двери квартиры с неровно приклеенной цифрой «9». Стас взялся за ручку и хотел надавить вниз, но внезапно дверь слегка приоткрылась.

– Не заперто, – тихо проговорил он.

– Вижу, – отозвалась Маша.

– Может, вызовем помощь? – с сомнением проговорил осторожный Толя Волохов. – Если что-то пойдет не так, Старик оторвет нам головы.

– У нас нет времени, – сказала Маша. – К тому же я не уверена, что там кто-то есть. Если Лукьянов и заезжал домой за вещами, то давно уже скрылся.

– Скорей всего, – поддержал ее Стас. – У него была уйма времени. Я войду первым.

Маша не возражала. Толя мог бы высказаться против, с лица его все еще не сошло выражение сомнения в правильности этих действий.

Стас, держа в правой руке пистолет, левой рукой осторожно открыл дверь и проскользнул в прихожую. Маша и Толя Волохов последовали за ним.

Квартира была однокомнатная, скудно обставленная. Несколько шкафов, тумба, на ней – телевизор, кровать. Медбрат Лукьянов лежал на кровати – навзничь, раскинув ру-

ки. Остекленевшие глаза смотрели в потолок. Одет он был в рубашку цвета хаки, черную кофту и заношенные джинсы. На полу валялась пустая бутылка из-под водки. На тумбочке стоял стакан.

Толя Волохов подошел к кровати и пощупал шею медбрата.

– Он мертв? – спросил Стас.

– Мертвее не бывает, – ответил Толя.

Данилов опустил пистолет, вздохнул:

– Мы опоздали.

– Да, похоже на то.

Стас повернулся к Маше.

– По-моему, картина ясна, – сказал он. – Кто-то нанял Лукьянова, чтобы тот убил Черновца. Лукьянов выполнил заказ. А потом его самого шлепнули. Убрали свидетеля.

Маша задумчиво наморщила лоб, поразмыслила несколько секунд, после чего покачала головой:

– Нет.

– Что – нет? – не понял Стас.

– Не клеится. Во-первых, нанимать для убийства непрофессионала – это большой риск. Во-вторых, Лукьянов не покинул клинику сразу же после убийства, хотя мог это сделать.

– Это как раз можно объяснить, – сказал Стас. – Парень не хотел привлекать к себе внимание.

– Допустим. Хотя... – Маша посмотрела на труп медбрата.

та. — Убийство было обставлено слишком уж нарочито. У нас и в мыслях не было, что это несчастный случай, верно?

Толя и Стас взглянули друг на друга и усмехнулись. Маша сделала вид, что не заметила этого переглядывания.

— По крайней мере, у меня не было точно, — сказала она. — Кроме того, ты забыл, как лихо Лукьянов сиганул в окно с третьего этажа. И главное — насколько удачно он приземлился.

Стас пожал плечами:

— Повезло. Такое бывает даже с эдакими увальнями.

— А потом он просто исчез, — продолжила Маша. — Рас-творился в воздухе, как ты метко выразился. И не оставил никаких следов, кроме обрывка толстовки.

— Вот видишь, — сказал Стас. — Кое-что он нам все-таки оставил. Вообще, я не совсем понимаю, к чему ты клонишь?

Маша открыла было рот, собираясь высказать догадку, которая пришла ей на ум, но в этот момент Толя, стоявший рядом с трупом, окликнул их:

— Ребят! Идите-ка сюда!

Маша и Стас подошли. Толя расстегнул пуговицы рубашки медбрата, затем раздвинул края, обнажив жирную бледную грудь. Маша тихонько ахнула, а Стас присвистнул. На груди Лукьянова красовалась татуировка: четыре маленьких квадрати-ка по углам большого квадрата, а между ними — замысловатый узор из точек и линий.

— Довольно свежая, — сказал Стас. — Сделали дней пять

назад, может, немного раньше.

Волохов склонился над татуировкой.

– Нелепый рисунок, – резюмировал он. – Понимаю, если человек захотел наколку в виде дракона или, там, волчью голову, но бабский узор... – Толя покачал головой. – Это не круто.

Маша пристально пригляделась к узору, потом провела по коже трупа пальцами, посмотрела на кончики пальцев и покачала головой:

– Нет.

– Что – нет? – не понял Стас.

Маша достала из сумочки влажную салфетку и вытерла пальцы.

– Не пять дней, а совсем недавно.

– Маш, Стас прав, – подал голос Толя Волохов. – Если бы татуировку сделали недавно, кожа была бы припухшей, а сама татуировка – покрыта корочкой.

Любимова объяснила:

– Толь, татуировку Лукьянову сделали, когда он уже был мертв. И кололи не глубоко. Разве вы сами не видите?

Несколько секунд Толя и Стас изумленно глядели на Машу, потом перевели взгляд на грудь мертвеца.

– Черт... – вымолвил Стас. – Вот почему она выглядит так странно.

– Каким извращенцем нужно быть, чтобы сделать татуировку трупу? – хмуро проговорил Толя и потянулся в карман

за сигаретами.

– И главное – для чего? – Стас вновь перевел взгляд на Машу: – Марусь, что скажешь?

– Скажу, что медбрата убили не потому, что он был свидетелем. Его убрали с дороги. Ликвидировали, чтобы не мешался. И еще: присмотритесь повнимательнее к татуировке.

– Ну, и? – спросил Стас, покосившись на голую грудь Лукьянова. – Какой-то узор. Похож на те, которыми украинцы расшивают свои полотенца.

– Не полотенца, а рушники, – сказал Толя Волохов и вставил в губы сигарету.

– Не кури здесь, – сказала Маша.

– Да, прости... Задумался.

Волохов вынул сигарету изо рта и сунул ее в карман пиджака.

– Может, тот, кто его убил, – хохол-патриот? – предположил Данилов. – Вроде Тараса Бульбы? Хохлы – они ведь...

– Стас, кончай разводить национализм, – сказал Толя.

– Да я просто пошутил, – пожал плечами Стас. – Марусь, у тебя есть какие-нибудь мысли по поводу рисунка?

– Это не узор с рушника, – сказала Маша.

– А что это?

– Ку-эр код.

На лице Стаса появилось недоумение.

– Какой код?!

– Ку-эр, – повторила Маша. И пояснила: – Quick Response.

В переводе на русский – «быстрый отклик». Его еще называют матричным кодом.

– И что это, черт подери, такое?

– Один из фокусов, который стал возможен благодаря развитию компьютерных технологий. Неужели вы о нем никогда не слышали?

Стас и Толя переглянулись.

– Любимова, хватит давить нас интеллектом, – сердито проговорил Стас. – Хочешь что-то объяснить – объясни!

– Это что-то вроде электронного штрихкода, которым помечены товары в магазине. В Японии и в некоторых западных странах такие татуировки недавно вошли в моду.

– А попроще нельзя? – пробасил Толя.

– Попробую. Кассир в магазине считывает штрихкод с упаковки печенья и раскодирует информацию о его стоимости, так?

– Так.

– Ну а ку-эр код – это закодированная ссылка. Если поднести к ней мобильник, в котором есть специальная программка сканирования, то по этой ссылке мы можем перейти на конкретную интернет-страницу.

Толя поскреб в затылке.

– То есть мобильник считывает эту татуировку, как штрихкод с упаковки печенья, только показывает не стоимость, а адрес интернет-страницы, на которую нужно пройти?

– Да.

– Откуда ты об этом знаешь? – спросил Стас.

– Слежу за новостями, – усмехнулась Маша. – Иногда это помогает в работе.

– Чертовщина какая-то, – сказал Толя, разглядывая странный узор.

– В Японии матричные коды очень широко распространены, – сказала Маша. – Практически они имеются на всех товарах, продающихся в магазинах. И даже на надгробных памятниках.

– Зачем?

– Чтобы можно было поднести к коду мобилу, отсканировать его и получить полную информацию о покойном. А теперь, мальчики, разойдитесь в стороны.

Маша достала из сумки телефон и с решительным видом шагнула к мертвецу.

Стас и Толя смотрели на нее весьма недоверчиво. Маша поднесла телефон к татуировке и включила программу матричного сканирования, которую закачал ей когда-то Глеб. Собственно, о матричных кодах Маша узнала тоже от него. Глеб относился к ним без особого восторга, но считал, что в недалеком будущем они принесут человечеству много пользы.

– Ну? – спросил Толя.

– Подожди, – отозвалась Маша. – Не все сразу. Нужно время.

Несколько секунд прошло в томительном ожидании, затем Маша нажала на кнопку телефона и сказала:

– Готово! Телефон отсканировал код и сейчас переходит на интернет-страницу, к которой этот код отсылает.

Прошло еще несколько секунд, и Маша воскликнула:

– Смотрите!

Экран телефона побелел, как молоко. А затем на нем стало проступать изображение. Вскоре послышался легкий шорох, похожий на шум помех, а потом сквозь этот шум зазвучал голос.

Стас, Толя и Маша уставились на экран телефона: Маша – задумчиво, Стас – хмуро, Толя – изумленно. Они увидели мультяшного человечка, сидевшего за столом спиной к зрителям. Картинка была черно-белая: белый фон, черный человечек. Он был чем-то занят, что-то делал, и при этом негромко напевал гнусавым мультяшным голосом. Вначале слова песни были непонятны, но спустя пару секунд песенка зазвучала громче:

Мой мир огромен,
А я так скромн.
Вся жизнь спектакль —
Я в ней актер.
Актер – Лицедей!
Добряк и злодей!
Не ради людей,
А ради искусства...

Вдруг человек замолчал и насторожился.

«Кажется, ко мне пожаловали гости!» – проговорил он веселым гнусавым голосом.

И обернулся. Сыщики увидели добродушное мультяшное лицо, похожее на «смайлик», – круглая голова, улыбка, две черные точки глаз, бровки «домиком».

«Рад, что вы заглянули ко мне на огонек, ребята! Кажется, вы дышите мне в затылок? А? – Он повернулся боком и приложил ладонь к уху. – Не слышу!»

Пару секунд человек молчал и вдруг захихикал, да так, что его плечи затряслись.

«Господа, – снова заговорил он, смахивая с глаз невидимые слезы смеха, – я понимаю, что вы всего лишь делаете свою работу, но прошу об одном: не особенно усердствуйте! Потому что, если вы мне будете надоедать... – Тут камера резко наехала на лицо мультяшного героя, и лицо это молниеносно изменилось, превратившись в свирепую маску. – Я вас сожру!» – рявкнул человек.

С этими словами мультяшный персонаж размахнулся и ударил по воображаемой камере кулаком, и брызги черной крови залили экран.

Толя отшатнулся от телефона:

– Что за черт?!

– Подожди, – сказала Маша. – Ролик еще не закончился.

Из динамика телефона донесся характерный звук, словно

кто-то протирал тряпкой стекло. В темном мареве на экране телефона появилась брешь. Человечек выглянул в эту брешь. Лицо его снова стало прежним, веселым и добродушным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.